

Полина Орынская

ПРИДУМАЙ
МНЕ ИМЯ

Москва
Издательство
Российского союза писателей
2017

УДК82-1
ББК84(2Рос=Рус)
О-71

Орынянская П. В.

О-71 Придумай мне имя / Полина Орынянская. — М. : Издательство Российского союза писателей, 2017. — 296 с. (Серия : Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года»).

ISBN 978-5-906826-26-8

Поэзию Полины Орынянской отличает изящная простота, отточенный слог, разнообразие сюжетов и лёгкость изложения. Её строки притягательны и естественны. Своими произведениями она отрывает читателя от серой обыденности и погружает в мир ярких образов и новых впечатлений.

В 2015 году Полина Орынянская стала лауреатом национальной литературной премии «Поэт года» в номинации «Дебют».

Книга «Придумай мне имя» издана Оргкомитетом премии в соответствии с программой книгоиздания для лауреатов.

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906826-26-8

© Орынянская П. В., 2017

Я подожду

Я подожду. Пристроюсь за столом,
Налью горячий чай в большую кружку
И буду просто слушать тишину.

Она, по небу чиркая крылом,
Снимает звёзды с неба, словно стружку,
И облака, толкая в бок друг дружку,
Клюют взаглот на лунную блесну.

Я подожду. Не всё же будет тьма.
И в окнах запотевших забелеет.
И бисером просыплется роса.

Глаза откроют сонные дома.
Цветы навстречу солнцу длиннее
Потянутся, иллюзию лелея,
Что светлая надолго полоса.

Я подожду. И эта пустота,
Что вместо сердца бухает набатом,
Заполнится отрывками из сна,

Где всё почти, но всё-таки не так,
Где я тебя целую, как когда-то,
Где мы ещё ни в чём не виноваты...
А чай остыл. Какая тишина...

Этот мир который год снится мне

Этот мир который год снится мне.
Синь небесная над зеленью трав.
Ах, промчатся бы сейчас на коне,
В стремях да на галопе привстав,

По огням, что распалил зверобой,
По ромашкам длинношеим — туда,
Где стволы белеют рощи грибной,
Где туманами дымится вода.

Я разуюсь и пойду по песку.
А река, как и во все времена,
Будет петь по берегам ивняку
О дожде, что напоил допьяна...

Золотая

Раздёрнув отсыревшие портьеры
На окнах, выходящих в божий день,
Она явилась — яркая без меры
В своём венке кленовом набекрень.

Пошла, сама себе цены не зная,
Плескать тепло и свет в угрюмый мир.
А люди говорили: «Золота-а-ая...» —
И выползали в утро из квартир.

И каждый лист был пьян медовым светом,
Лилась по голубому эта сладость.
И пожилые тётеньки в беретах
Брели попарно, под руку держась...

Я вернусь

Я уйду напролом через ветви облезлые в лето
По раскисшей земле и чернеющей мокрой листве
От чадающего, мутного, полуживого рассвета
И размокших окурков у лавочек в жухлой траве.

Я – в июль, где распорото небо штыками люпинов,
Где бормочет река допотопные мантры свои
И закат, выгибая над полем багровую спину,
Из вечернего света зловещие тени кроит.

Я вернусь и останусь, горячим полуднем распята,
На песчаной косе. И, дыханием кожу дразня,
Ты уляжешься рядом, прохладный
и пахнувший мятой,
Драгоценный, родной, отыскавший
в прошедшем меня...

Ищи – не ищи

По хвое тёплой, с носка да на пятку
(на секунду замри – прирастёшь,
прорастёшь стебельком),
я утром рано уйду без оглядки.
Ищи, не ищи – не найдёшь.
Я уже далеко.

Вернутся сны, и раздастся над лесом
вслед за тоненьким птичьим зовущим
к колодцу пи-ить
не скрип сосны – скрип калитки небесной,
которую кто-то открыл
и забыл притворить...

Жёлтые враки

Обо мне напишут враки
На листьях янтарно-жарких
Капли дождика-зануды,
Утомившего слегка, —

Обо мне и о собаке,
Что со мной гуляет в парке.
Только я читать не буду,
Я не знаю языка.

Я не вижу даже строчек.
Капля — клякса — всё размазал.
Пёс понюхал эти листья
И на листьях ерунду.

Дождь лопочет и лопочет,
Пишет и читает сразу.
Иностранец этот мистер.
Мистер, хау ду ю ду?

Но в ответ мне только ветер
Хаудуюдует в спину.
Уши сдул моей собаке,
Стали уши кое-как.

Пёс бежит и листья метит,
Что с деревьев ветер скинул.
По земле несутся враки —
Много ярко-жёлтых врак.

Вдруг прочесть их кто-то сможет?
Да читайте, мне не жалко!
Я другой уже не буду,
А оправдываться лень.

Ну и ладно, ну и что же!
Мы гуляем — я, собака
И противный дождь-зануда
В мокрой туче набекрень.

Моя тишина

Моя тишина — это дым костра.
Маками красных огней
Цветёт тишина моя до утра.
Клубится туман над ней.

В моей тишине серебрится мох,
Я глажу его рукой.
И древний, давно позабытый бог
В сейдах находит покой.

Вылизан, выбелен череп волной.
Рыжеет янтарь сосны.
Мою тишину окружают стеной
Камни, заклятья и сны.

В мою тишину ведёт лабиринт —
Прежних времён виток.
И руны вспоровшей туман зари
Тенями лежат у ног.

Но тайные знаки мне не прочесть
И мне не подпеть камням.
Дикие боги придумали месть:
Нет тишины у меня...

Амбразура

Есть в атаке весны эпатаж от игры ва-банк,
Безнадёга и фарс, суицид и шальной азарт.
Я давно не герой, я не жалую пыл[ь] атак
И не верю в далёкие страны с дурацких карт.

Не курю чёрт-те что, не ищу никого в толпе.
Мятный чай, иногда пара пива — и весь запой.
Но когда начинается лупить во дворе капель,
Я опять становлюсь ненормальной самой собой.

Покажи города, до которых сто вёрст — не крюк,
Бастионы с холодным прищуром пустых бойниц.
Перепутаю сердца — колёс — барабанов стук.
Неприкаянной тенью паду перед храмом ниц.

Ну и пусть всё закончится осенью, как всегда,
И с деревьев сорвётся листвы бестолковый рой,
Но покуда мне снятся дороги и поезда,
Амбразуру, где мается сердце, собой закрой.

Мой огонь

Ты сидишь у ночного костра.
Горький дым выедаёт печали.
Пахнет травами, как в сенокос,
И набухшей от ливня землёй.

Расскажи, отчего по утрам
В полусне мне мерещиться стали
Уходящий по водам Христос
Да Иуда с готовой петлёй?

Выжигает на сердце костёр
Допотопные тайные знаки —
Письмена моих прошлых судеб.
Не сумею прочесть, не проси.

Берега у далёких озёр
Так красивы, что хочется плакать
И бежать босиком по воде,
Расплескав отраженья осин.

Я однажды проснусь до зари,
Разобрав бесконечности лепет,
И собьётся в груди перестук,
Переменятся боги и сны.

Но, когда мой огонь догорит
И на углях состарится пепел,
Будут звёзды и [с]крыться вокруг
Уходящей на нерест луны.

Хочешь узнать, что такое безумие?

Хочешь узнать, что такое безумие,
как от меня отрывается мир?
Ниточка дёрнется непредсказуемо —
и...

И, улетаю, цепляюсь за травы я,
криком кричу — не рождается звук.
Линию жизни о ветки корявые
рву.

Звёзды в глазах. Этим звёзд за глаза уже.
Сердце толкнулось, скатилось луной.
И темнота рассыпается радужной
мною.

Хочешь, скажу, чем ужасно безумие?
Нет, не размытостью полутонов,
не монотонным бессмысленным зуммером
снов.

Страшно не то, что оборвана ниточка
или внутри поднимается вой, —
то, что не можешь дотронуться ни-до-че-
го...

Если хочешь — уходи

Если хочешь — уходи. В добрый путь.
У тебя своя дорога в пыли.
Может, встретимся ещё как-нибудь
На одном из перекрёстков земли.

Если нужно уезжать — уезжай.
Я смешаюсь на вокзале с толпой.
У тебя ведь тоже где-то свой рай.
Что же делать, если он не со мной.

Если хочется сказать — ты скажи.
Покиваю. Поцелую. Родной.
Мы посетуем друг другу на жизнь.
И на то, что выдают по одной.

Если важно помолчать — помолчи.
Полистай свою судьбу взад-вперёд.
Не бывает ничего без причин.
Всё проходит — это тоже пройдёт.

Я, бывало, состязалась с судьбой,
Мол, посмотрим, кто ещё победит...
Ты уйдёшь — закрою дверь за тобой.
Тут и чайник очень кстати вскипит.

И будет ночь

Спираль времён сорвётся и сверкнёт.
Померкнет свет, и небо станет чёрным.
Осядет пепел на свинцовый лёд.
И затаятся схлынувшие волны.

Не будет дней. И будет много дней.
И зеркала, что время искривило,
Взорвутся под копытами коней
Безжалостных наследников Аттилы.

И выжившим по праву будет гунн.
И станет ночь. И день наступит снова
И озарит лучами сотни рун
На камне, что держать умеет слово.

Но тот один, кто прошлое прочёл,
Поднимется с проклятьем на костёр.

И будет ночь.

Изнанка

Шаг. И другой. На ощупь. И скрипнет дверь.
За горизонтом лестница вниз ведёт.
Спустишься – влево тринадцать шагов отмерь.
Там ты увидишь короткий и узкий ход.

Страх паутиной прилипнет к твоим щекам.
Сердце, как маятник, в стены начнёт стучать.
Факел, который уронит твоя рука,
Тут же погаснет, шипя и пуская чад.

Не бормочи. Эти своды не любят шум.
Белых мышей захватил для ушастых сов?
Ну же, давай, выпускай по одной, прошу.
И в благодарность они отопрут засов.

Грохот. И пыль. Ты не очень испуган, нет?
Скрипнули дверцы у шкафа. Бежишь назад?
Ну и напрасно. Ведь это же твой скелет.
Это твоя изнанка. Твой личный ад.

...Лестница – там, направо. Тебе пора.
Ты заходи. Тут много ещё добра...

Кошкин ангел

Когда у кошки кончается девятая жизнь,
Она залезает на очень высокое дерево.
В это время обычно зима и снег кружит.
Лучше бы лето... Но это уж как отмерено.

Снежные хлопья собьются в стаю на миг.
Смотрит кошка – а рядом ангел притих...

Снизу дети не видят кошковых глаз.
Дети считают звёзды, пальцами тыкая.
Собьются со счёта – их больше на этот раз.
Вон там, ещё две... жёлтые какие, смотри-ка!

А вечером будут звать тревожно: кис-кис!
И, улетаая, кошка посмотрит вниз...

Заплатки

Я сорвавшейся с нитки бусиной
 Укачусь в облака закатные.
 Без тебя до чего же грустно мне.
 Пустоту я чиню заплатами

Из лазурных просветов на небе,
 Из бордовых кустов орешника,
 Из янтарных лоскутьев пламени,
 Что летят в темноту кромешную;

Из белёсого полумесяца,
 Заплутавшего в ветках тополя,
 Да из снов, что под утро грезятся,
 Нагулявшись с туманом по полю.

Но шитьё моё расползается,
 Облаками сбегает белыми,
 Утекает водой меж пальцами —
 Из дождя мои нитки сделаны...

Гектор Берлиоз

Монолог с того света, адресованный маэстро
 Никколо Паганини

Из каких адских жил были созданы струны
 Той вселенной, где ты обитал, бесноватый?
 Ты играл — и толпа становилась безумной,
 Заходясь на твоих невозможных легато.
 У каких диких птиц отнял ты эти звуки,
 Нанизав их на нервы восторженных залов?
 Как тянулись к тебе оголтелые руки,
 Потому что душа за тобой улетала...
 Эти длинные пальцы и бледные скулы.
 Кто прислужнику дьявола выдал сутану?
 В сюртуке этом чёрном, хромой и сутулый,
 Чем ты женщин пленял — не синдромом Марфана?
 Я боялся тебя. Суеверно. До дрожи.
 Этих рук, что взлетали, как ворона крылья.
 Паутиною страха опутан, стреножен,
 Сам себе я казался дорожною пылью
 На футляре для скрипки твоей, Паганини...
 Ты ушёл в странный мир, из которого вышел, —
 И казалось, что ты не соперник отныне,
 Но из гроба по-прежнему музыку слышат...
 Мне, ты знаешь, в раю указали на двери:
 Берлиоз, говорят, чем ты лучше Сальери?..

Гамаюн

Тонким пальцем заря провела по стеклу,
Начертав паутину неведомых рун.
Странный сон принесла мне к утру Гамаюн:
Я босая стою на холодном полу,

Слышен звон колокольный и шарканье ног,
Голоса сплетены в нескончаемый гул,
И стекает с моих приоткрывшихся губ
То ли кровь, не пойму, то ли просто вино.

Может, это мертвецкая, может, кабак...
Ты о чём, Гамаюн, рассказала во сне?
Не с востока ли ты прилетела ко мне?
Что тебе, перелётной, чужая судьба...

Заглянула в окно, затмевая рассвет,
Сорвалась, с клетотанием канула ввысь.
Знаки призрачных рун по стеклу растеклись.
Я смотрю — отражения в зеркале нет...

Лампочка

Бьётся лампочка белой молью.
Ненадёжная нить вольфрама,
Не справляясь с известной ролью,
Воспалается свежим шрамом.

Философия летней ночи
И окурков в консервной банке
Состоит в очереди отточий,
Что чернеют, как мухи в ранке,

Между днём, позабытым к чёрту,
И минутой, что бьёт в подвздошь.
Я пунктир выбиваю форте
В пустоте, что считаю прошлым.

Узелковым письмом на память
Струны нервов вяжу до воя.
То, что было, кому оставить?
Так и буду нести с собою

Всё, что выбито этим летом
Из бессонниц (оставить там бы!)
Гулким пульсом и нервным светом
Догорающей в кухне лампы...

Мотылёк

Толкает в спину зной. И дух лесной прохлады
 Лежит, едва дыша, на отмели речной.
 Толпятся валуны — печальные громады,
 Оставленные здесь на вечный водопой.

Иссушены горбы, но влажными руками
 Течение, ворча, ласкает им бока.
 И блики по воде порхают мотыльками.
 Ах вот бы мне поймать такого мотылька!

А ночью, в полусне, когда лесной прохладе
 Довольно будет сил ветра пасти в ночном,
 Когда ночной паук впрядёт седые пряди
 Косматой темноте, притихшей за окном;

Когда из всех щелей тревожными тенями
 Полезут боль и страх, свивая нервы в жгут,
 Врастая в мой хребет корявыми корнями,
 Которые меня на сотню криков рвут, —

Я тайно собираю в горячие ладони
 Снопы янтарных брызг, что сыплет мотылёк,
 И новый день зажгу на тёмном небосклоне...
 Мне только бы к утру добраться на восток.

Моя память

Какой же беспомощной с возрастом
сделалась память.
 Обман на обмане, бессвязных картинок
пригоршня.
 Давно отболевшее вдруг принимается ранить,
 Да так, что я словно с похмелья —
настолько мне тошно.

Секунды похожи на птиц, беспокойных и громких.
 Взлетают и мечутся — дом потеряли как будто.
 И вот, оглушённая граем, иду я по кромке
 Вчерашнего дня, отступаясь в наставшее утро.

И здесь, на тропинке среди рыжей
простуженной чаши,
 Я, осень привычно вдыхая, пойму наконец-то:
 Нет прошлого. Всё, что я помню,
всегда в настоящем.
 Однажды вот так и впадают, наверное, в детство...

Табула раза

Мне бы смахнуть с циферблата чёрные метки,
Ночью подкрасться, вырвать у времени стрелы,
Выпустить дни из их календарной сетки —
Пусть улетают, а лист остаётся белым.

Там, на просторной, девственной табула раза
Я нарисую... просто свою дорогу:
Справа — края, где ещё не была ни разу,
Слева — траву и речку, ромашек много,
В небе — стрижей и радугу водопадом,
И облаков таинственные скрижали,
Посередине — тебя и меня, а рядом
Этих смешных детей, что мы нарожали.
Чтоб у тебя — две удочки, блёстки блёсен,
Бусы на мне — из звёзд и огромных градин,
По сторонам — рыжие дебри сосен!

...Но тут зазвенел будильник, будь он неладен.
И сразу склевали и блёстки, и эти звёзды
Хмурые птицы — минуты, часы и даты.
А после метнулись в свои календарные гнёзда
И шумно расселись по белому циферблату...

Тот, о ком

Пряную ветку, проросшую из души,
Встретило солнце, уселось — цветок цветком.
Всходами прошлого день мой насквозь прошит —
Чудится, мнится, мерещится тот, о ком.

Курые улицы были в Абрау-Дюрсо.
Как ни пойдёшь — упираешься в винзавод.
Вот бы да всё из подвалов — для двух персон!
И — целоваться без устали с тем, кого.

Тихо вскарабкавшись к нам на второй этаж,
Бельма беспомощно пялила ночь, зато
Слушала жадно, как сердце входило в раж:
Я раздевалась — как в море тонуть в том, кто.

Утро, скользнув из-за гор, раскурив кальян,
Сонно дымилось, туманом ползло вдоль стен.
Рыжей собакой спала на цепи заря.
Сладкие сны бестревожно смотрел тот, с кем.

Вскоре меня, всколыхнув креозотный дух,
Поезд похитил — на всё наплевать ему...
Но что́ могут даже вагоны таких разлук?
Ведь ты ж не какой-нибудь кто-то, а тот, кому.

Тот же вкус

...А на лавочке – бомжи.
Сели рядом, разложив
булку, парочку сосисок,
злую вонь и миражи.

Солнце светит в сотню ватт.
Взгляд немножко мутноват.
Голубям достались крошки.
– Как ты, брат? – Нормально, брат.

Годы – нитка блёклых бус.
Разорвётся – ну и пусть.
Витьки нет уже полгода,
а у хлеба тот же вкус.

Не зима – и можно жить.
Спят на лавочке бомжи.
И не видят, что над ними
жёлтый лист уже кружит.

Лист кружит, и дни летят.
На бомжей глядит дитя.
Кем ты будешь, синеглазый,
тридцать-сорок лет спустя?..

Пыль

Вздывая флаги канувших эпох,
Возмездием профанам и невеждам
Спираль времён заходит на виток,
Где снова боль и кровь, как было прежде.

И в этот час из сонных анфилад
Забытых и затерянных хранилищ,
Из готики писаний и баллад,
Апокрифов, легенд – из древней пыли

Начнёт сочиться снадобье веков
(В нём смешаны и клинопись, и руны) –
На тьме живых и мёртвых языков
Пророчества слепых и полоумных.

Под звон вериг, из пламени костров,
Под смердов улюлюканье и пляски,
Бессмысленно, безжалостно, остро,
Стущая и расплёскивая краски, –

О том, что боги мстительны и злы,
Что был Потоп, а Ной – один на тыщу,
О том, что не развязаны узлы,
Зато руке привычно топорище;

О том, что всё прошло, но будет вновь,
И в точку невозврата многоточье
Однажды превратится всё равно,
И снова мир разорван будет в клочья.

О том, что помнить – это тяжкий крест,
А в святцах больше нет вакантных мест...

Опечатка

Дверь хлопнула. На столике в прихожей
Твои ключи. Твой чай давно остыл.
Я думала, что быть того не может...
Ты просто ты. А мне казалось — тыл.

Я думала, что всё у нас в порядке.
Листала дни... Ну, как ты проглядел,
Что в наш роман закралась опечатка?
Ты просто ты. Куда-то делась «л»...

Нина Васильна

Нине Васильне давно уж не семьдесят лет.
Только про возраст у женщин не принято вроде.
Каждое утро она надевает берет
И остальную одежду — согласно погоде.

Каждое утро (уже на пороге октябрь,
Время несётся, не зная дороги окольной)
Нина Васильна, не охая и не пыхтя,
В лес ковыляет маршрутом, знакомым до боли —

Боли в ноге: с ней давно уже что-то не то...
Но ничего. Нин Васильне важнее другое:
Солнце и дождь распихать по карманам пальто,
Шорохи листьев забрать непременно с собою.

Там-то такого в помине, наверное, нет.
Если вообще это «там» существует в природе...
Нине Васильне давно ведь не семьдесят лет.
Правда, про возраст у женщин не принято вроде.

Осень. Утро

...Ты же будешь любить меня
вот такую, какая есть?..
На ладони смурного дня
оседает рассвета взвесь.

Солнце шарит своим лучом,
как слепец, потерявший трость.
Я целую тебя в плечо,
прорастаю тобой насквозь.

Это больно – вот так, живьём.
Я пытаюсь сорваться в сон.
Но в дыханье (твоём? моём?)
я уже различаю стон....

Солнце лыбится, как паяц,
в ореоле своих седин
и сшивает лучом края
совпадающих половин.

И только ты

Всё глубже в зиму, в ветреную стынь.
От света тьма опять неотделима.
Проходят дни – скитальцы-пилигримы
В бессмысленном искании святынь.

У будней в ломком инее бока.
Дотрагиваюсь, зябко содрогаясь,
Гляжу на солнца гибнущую завязь
В тяжёлых, неподвижных облаках.

Вдыхаю холод, горький и крутой.
Считаю дни, теряю счёт неделям.
И кажется, что жизнь на самом деле –
Безвкусный чай, остывший и спитой.

И только ты... Единственная нить,
Сшивающая мир мой воедино,
Мой тёплый свет, вторая половина
И жажда, что никак не утолить...

Ах, как же удивительно!..

На цыпочках, тихонечко
к тебе крадусь я издали,
щеки касаюсь пальцами.
Молчу. И ты молчи.
Как всё же удивительно
переплетаться жизнями!..
И как прозрачны бусины
янтарной алычи.

Ну как же замечательно
слоняться между барами,
смотреть, как солнце плещется,
забравшись в мой бокал.
Ходить с тобою за руку,
срастаясь папиллярами,
сплетаясь капиллярами
и даже ДНК.

А море тонет в мареве,
хватается за камешки,
а мы идём по краешку —
цепляется за нас.
И чувствую — мне маятно,
и ты, похоже, маешься,
но тут, смотри-ка, сумерки
спускаются как раз.

А запах пыльной зелени
смущает мне дыхание,
и ниточкой вибрирует
неясное во мне.

И лепестками ириса
плывут мои желания,
лиловые, как сумерки,
развратные вполне.

И врассыпную, брызгами
над морем звёзды брызнули,
а месяц когтем выгнулся,
на облаке засел.

Ах, как же это здорово —
переплетаться жизнями.
Ну... и не только жизнями,
а прочим разным всем...

Женщина под сорок

Не сон, не явь, а так, какой-то морок.
Мерещится? Спросить бы у кого...
Ко мне приходит женщина под сорок
в лиловом платье с длинным рукавом.

Серебряно бренчат её браслеты,
и тонким пальцам тяжело от колец.
Вдыхает сладко горечь сигареты.
Бледна, прозрачна, будто не жилец.

Гадает мне на картах, не спросивши,
опять пустые хлопоты сулит.
Глядит в окно на сгорбленные крыши
и шепчет что-то. Может, из молитв.

Холодный день бесцветен и аморфен —
она всегда в такой приходит день.
И я варю ей скверный чёрный кофе,
замешанный на утреннем дожде.

Она давно отчаялась согреться,
и кожи перламутровая стынь
испорчена следами от инъекций
сезонной дряни под названием сплин.

В туманной взвеси спрятан целый город.
Бессмысленны и долги вечера...
Ко мне приходит женщина под сорок —
обычная предзимняя хандра.

Берег

Молчать и просто быть собой —
такой же древней, как и ветер.
Бродить пришельцем меж столетий,
кидая камешки в прибой.

Кидая камешки в прибой,
считать: раз-два... четыре... девять... —
и только этим время мерить
с секундной стрелкой вразнойбой.

С секундной стрелкой вразнойбой
Пересыпать песок в ладонях —
Песок часов потусторонних...
Молчать и просто быть собой.

Горсточка чёрных зёрен

Россыпь моих секунд,
горсточка чёрных зёрен.
Чем же они взойдут —
радостью или горем?..

Гром громыхал весной,
ливням была потеха.
Летом плескался зной
да насмехалось эхо.

Вырос мой сад неплох,
вырос он всем на зависть —
лютик, чертополох
да лопухи в канаве.

Рядом шумят леса,
выпив вино заката,
а у меня — роса
в зарослях дикой мяты.

Может, кому нужны
розы и кроны пиний,
а у меня нежны
листья седой полыни.

И не была бы я
сроду сама собою,
но у меня заря —
в звёздочках зверобоя.

В лапках качая сны,
спит на ветру люцерна...
Был бы мой сад иным,
ты не пришёл бы. Верно?

Река. Зима

Застыла река, заснежилась.
А вроде ещё вчера
С туманом ласкалась, грешная,
Дарила себя ветрам.

И вот — где тепло, где вольница?
И гости уже не те:
Берёза скрипит и клонится
Да воеет с тоски метель;

Вороны бранятся матерно,
Мол, холодно, так-растак!
И мухой на снежной скатерти
Понурый сидит рыбак...

Сирена

*Сиренам было предсказано, что они погибнут, когда путник
пройдёт мимо их острова, не поддавшись искушению. Поэтому,
когда мимо них проплыл корабль Одиссея, они бросились в море
и обратились в утёсы.*

На рассвете, когда паруса растревожит бриз,
Ты уйдёшь, ни о чём не жалея, — о чём жалеть?
И в лицо полетят мириады холодных брызг,
И расплавится солнце — в море прольётся медь.

Удержать бы тебя, да вот только не знаю — как.
Что бродяге разлука среди череды разлук?
У тебя горизонт нараспашку, звенит бакштаг —
У меня только нежность песен и тонких рук.

Ты уже никогда не вернёшься, не надо лжи.
Впрочем, это неважно, мне выбора не дано:
Если ты не остался со мною, зачем мне жизнь?
На рассвете я серым камнем уйду на дно...

Что тебе написать?..

Что тебе написать? Здесь сегодня случился январь.
На столе недопитый чинзано, 0,7 мартиньяка...
Приоткрыла глаза... Обошлось без похмелья, однако.
А погода похмельная — серая снежная хмарь.

Чем тебя удивить? Не меняют контент даже сны.
Я ищу остроту ощущений в тоске и разлуке...
Не живу — наблюдаю за жизнью, как врач за больным.
Все симптомы известны, диагноз бесспорный
до скуки.

Там, где Татры корябают небо гребёнкой вершин,
Угнезвился туман — будто я в одночасье ослепла.
Посыпает мне голову хлопьями снежного пепла
Тот чудак, что горюет о всех в поднебесной глуши.

Это всё — бла-бла-бла. Я, наверно, должна о другом.
Что-то вечное и философское, чуть декаданса.
Синева под глазами, холодная бледность снегов,
Чёрный кофе, остывший в казённых объёмах фаянса...

Я, пожалуй, не буду писать — ни сейчас, ни потом.
Что напрасно дразнить ничего не сулящим
намёком?

Мы приходим сюда одиноки, уйдём одиноко.
Это, в общем, не так уж и радостно. Честно зато...

На исходе зимы

На исходе зимы устаёшь от потери тепла,
и на радужке снег будто вовсе не тает. Не тает...
И всё кажется мне, что до первого снега была
я немножко другая, а может, и вовсе другая.

Я босыми ногами стою на холодном полу,
и глядит на меня настороженно, будто дворняга,
эта женщина в зеркале, белая, словно бумага.
А глаза у неё прогорели в седую золу.

Матерееет сквозняк. Леденеет в ладонях вода.
На вопросы свои я давно получила ответы.
Диалог ни к чему. Мы расходимся. Ей в никуда.
А в моём зазеркалье — холодные тени рассвета.

На исходе зимы одинокий вдвойне одинок.
Бесконечные сумерки шарят по улицам слепо...
Я тащу на себе это серое снежное небо
в направлении лета, да толком не знаю дорог...

Обними. Я устала

День открыл и захлопнул десятки дверей,
и назавтра начнётся сначала.
Близорукие сумерки, чад фонарей...
Обними.
Я устала.

Жизнь — безумная бабка-портниха. Кроит
этот мир по дурному лекалу.
Только вечер, как прежде, один на двоих.
Обними.
Я устала.

Целый день суета, пустота, круговерть...
Мне тебя до безумия мало.
Прикасаюсь и слушать, вдыхать и смотреть...
Обними.
Я устала...

И дольше метелей

И дольше метелей тоска моя по весне —
С тех пор, как в томительном августе падали яблоки
И вместе с закатом арбуз на столе краснел,
А после сентябрь золотые пускал кораблики.

И всё мне мечтается вычислить эту грань...
Скажи мне, давно ли тебе одинаковы осени?
И первого инея хрупкая филигрань,
И холод, бегущий сосудами кровеносными?

Давно в листопаде пленительном и хмельном
Мне кажется каждый листочек на память заученным,
И горечь осенних дымов не пьянит давно,
А только предчувствием долгих морозов мучает.

Когда же я сбилась со счёта, смешала дни
И стала, как бусины, годы нанизывать походя?
И только весна непонятно зачем манит.
Обманет, я помню. Но пусть же приходит, господи...

Вчерашний снег

Я таилась от зимы
полуптицей-полузверем,
я задёргивала шторы
на душе и на окне.
Ты с руки меня кормил
и дышал на пальцы, грея,
а зима лизала город,
а зима крошила снег.

Я свила себе гнездо
и в клубок мотала нервы,
мысли, страхи, сны и строчки,
бесполезные к утру.
Мне хотелось всем назло
распустить на нитки скверный
полусумрак, зимний прочерк,
эту чёрную дыру.

Ты меня в ладони брал
и тепло и непонятно
бормотал о дальних странах,
пляжах, пиве... чёрт-те чём.
И оранжевое бра
золотилось в чае мятном...
Я спала, а ты обманом
целовал меня в плечо.

Дни тянулись – просто жуть,
мы с тобою одичали.
Но однажды снег вчерашний
стал водой и был таков.
И сегодня я вяжу
из распущенной печали
небо синее в кудряшках
бестолковых облаков.

У меня и у тебя

...А у меня-то, господи боже мой,
 Лужи под окнами, серый лёд.
 В дворик мой, вдоль-поперёк исхоженный,
 Гулко по трубам весна течёт.

А у тебя тревоги значительны:
 Завтра театр, сегодня концерт.
 Кафка, Камю, испанский с учителем:
 Сигно в начале, сигно в конце...*

Может быть, вместе в лес, по проталинам?
 Прелые листья шуршат слегка.
 Помнишь, однажды белку видали там?..
 Я понимаю... давай, пока.

Самое обычное

Когда твоя звезда уже не та,
 смени звезду на что-нибудь иное,
 вполне себе простое и земное,
 как самая обычная мечта —
 о тёплой кухне в минус двадцать пять,
 о ливне, всполошившем целый город,
 о дымчатой малине у забора,
 о том, что к морю в августе опять...
 А там под крики горлиц и цикад
 проснуться в тех единственных объятьях...
 И, надевая синенькое платье,
 ловить в трюмо горячий сонный взгляд...

* Испанцы настолько эмоциональны, что им сразу нужно знать, с какой интонацией произносить ту или иную фразу. Поэтому вопросительный (Signo de interrogacion) и восклицательный (Signo de admiracion) знаки ставятся не только в конце, но и в начале предложения. Причём в начале предложения в перевёрнутом виде.

Здесь и там

Скрипят на озере уключины,
Мостки дают опасный крен...
Давай вернёмся, невезучие,
Туда из наших ойкумен.

Моя судьба не переменится.
А мне-то что? Пойду в обход.
Билет плацкартный – индульгенция
И отпущение грехов.

И я с перрона прямо в прошлое
Шагну, не ведая, где брод.
И на душе когтистой кошкою
Уже ничто не заскребёт.

Мне здесь то маетно, то суетно,
Рассвета бледен сухоцвет.
И вновь беда моя пасует, но
Я с ней давно уже в родстве.

А там, где вызрели озимые,
Туманы сонные легки
И синеглазыми разинями
Глядят на солнце васильки.

Черна попевшая смородина
Такой цыганщиной хмельной...
Да как же так, ты медлишь вроде бы?
Давай, поехали со мной!

Где окна теплятся иконами,
Благословляя скуку дней,
Мы примем эту боль фантомную
Своих оборванных корней...

Вдох. Выдох

Вдох. Выдох. Сердце пугает стуком.
 Гляжу настороженно, будто впервые вижу
 мир, увеличенный мутной весенней лупой:
 вот оборванец, ты всё-таки снова выжил!

Вдох. Выдох. В рыжих потёках света,
 в скрежетанье дверей (будто были закрыты вечно),
 в похотливом дрожанье наполненных соком веток
 я ловлю не любовь, а хотя бы намёк на встречу.

Вдох. Выдох. На ниточке пульса висну.
 Ты будешь желтеть мать-и-мачехой, я — смеяться.
 Да ради такого во веки веков и присно
 я готова кормить и выгуливать солнечных зайцев!..

Вой

Я просто холодный ветер,
 Несущий золу и горечь.
 Мой полдень дождлив и бледен.
 Глуха и промозгла полночь.

Я выл у чужих пожарищ,
 Там небо от дыма слепо,
 И струны мои дрожали,
 И голос охрип от пепла.

Вы дома в тепле за чаем
 Полжизни сидеть готовы.
 А видели, как качают
 Убитых младенцев вдовы?

У них остывает сердце
 И вой не по-волчьи долог...
 Пустите меня погреться
 На синем тепле конфорок.

Вдохните холодной боли,
 Тоску ледяную пейте!..

* * *

— Там кто-то рыдает, что ли?
 — Да нет, это просто ветер...

Колоколенка

В тёплой заводи небесной, на бугре
 Колоколенка чудесна в сентябре.
 Не звонит она, не плачет ни по ком,
 Будто благовест ей вовсе не знаком.
 Было дело много лет тому назад:
 Залезал на колоколенку солдат,
 Привалился к штукатуреной стене
 И забыл минут на десять о войне.
 Пожевал травинку, сплюнул... Да и вот
 Зачастил по косогору пулемёт.
 Колоколенка была-то непростой,
 Называлась в эту пору высотой...
 В синем небе не доплыть до берегов.
 В чистом поле было множество врагов.
 Ах, звонить бы колоколенке в набат,
 Может, выжил бы молоденький солдат.
 Ведь бывало — поднимала всё село...
 Только не было на ней колоколов.

В тёплой заводи небесной, на бугре
 Колоколенка чудесна в сентябре.
 Но солдатика, погибшего в войну,
 Не оплакать ей, никак не помянуть.
 Да и были бы на ней колокола,
 Колоколенка б заплакать не смогла —
 От беды такой чернеют да молчат.
 Вот и воет только с ветром по ночам...

Возле лампочки заката

Трепыхается, как бабочка,
 День у лампочки заката.
 Посидим с тобой на лавочке,
 Как сидели мы когда-то.

Пара пива с сигареткою.
 Наши дети что-то выросли.
 И общаемся так редко мы,
 Преимущественно — мысленно.

Своего не помню имени —
 Суета, дела да случаи.
 Ты, пожалуйста, прости меня,
 Что подруга я не лучшая...

А вот сердце, знаешь, тренькает —
 Видно, дело всё же к старости...
 Может, выкроим недельку мы
 И махнём на море в августе?

Помнишь, дети были крошками.
 Всё мечтали: вот как вырастут!..
 А теперь свободу — ложками,
 Да в свободе этой смысла-то...

Ты в очках? И у меня очки.
 Не идут мне, супостаты.
 Эх...
 Трепыхаемся, как бабочки,
 Возле лампочки заката...

Фасады

Фасады этих старых городков
(От Праги – через Краков – Рига – Таллин,
Где Старый Томас стар и не брутален,
Хоть пять веков назад и был таков) –

Так вот фасады чудо хороши,
И окна беззащитно-близоруки.
Мы, им поверив, рвёмся в переулки
И входим в раж, считая виражи.

Как пряничные домики свежи!
Послушай, Гензель (громкость поубавь-ка!):
У этой старой дамы за прилавком
Вставная челюсть – хищная, скажи?

Здесь древность наряжается во мхи,
Бульжниками щерится щербато...
Европа, ты красива и богата,
Но я домой, в деревню, в лопухи.

Четыре бокала «вельвета»

Муратовой

Четыре бокала «вельвета»,
Креветки в беконе, рибай.
И знаю я точно, что это
И носит название «рай».

Соседи вдыхают сигарный
Дразнящий рецепторы дым,
И мальчик за стойкою барной
Красив татуажем своим.

Тебе он мерещится геем,
А мне он что гей, что не гей.
Мне б выяснить с жизнью своею,
Что мне за печаль до твоей?

И фраз параллельны прямые.
Но мыслей отрывочных спам
Друг другу доверили мы, и
Куда уж интимнее там...

Ты сверишь себя с зеркалами,
Поправишь капризную прядь.
И те, за другими столами,
Тотчас перестанут дышать.

Фантазий изгибы напрасны –
Скучаешь уже наперёд...
Четыре бокала «нююкасла».
И дайте, пожалуйста, счёт.

Так просто

Так просто – пустить по венам солнца лучи.
Зажать в зубах травинку и слушать, как
Огромное сердце земли поездами стучит
И чащи лесной трепещет зелёный флаг.

Так просто – потрогать шкуру седого мха
И против шерсти погладить траву в лугах.
И пса-лежебоку лениво ногой пихать,
И думать: а есть ли у космоса берега?..

След на сырой траве

Слепок с моей души –
След на сырой траве.
Каждый мой день пошит
Из лоскутов полей,
Из пестроты лугов
Пьяных – вдохни да плачь...
Там, где закат багров,
Там, где рассвет горяч,
Тьма – это только сон,
Вечность, которой нет,
Время – речной песок,
С медным отливом свет.
В реку войду сто раз,
Омут да отмель – те ж.
Я не совсем сбылась –
Я заплутала меж
Серых речных осок,
Тёплых шершавых дней.
Здесь изумрудный мох
Греет горбы камней
Ныне и присно, впрок...

Не выдавай молве
Тайну моих дорог,
След на сырой траве...

Время рыжих вечеров

Приходит время рыжих вечеров,
Когда июнь, одышливый, дремотный,
Вползает в запустение дворов
И стелет гать по звёздному болоту
Из веток беспокойных тополей —
Глухонемых, кричащих на амслене,
А Млечный Путь готовится сомлеть
От духоты, бессонницы и лени.

И селится тревожное во мне —
Хмельное и пугающее сразу,
Когда из тарабарщины теней
Я складываю будущего пазлы.
Материя шершава и темна,
Прохладна и податливо-упряма.
Я чувствую на ощупь времена —
Рубцы и стыки, оспины и шрамы,
Вдыхаю пепел с горечью ветров.

Приходит время рыжих вечеров...

Женьке

Ах ты мой ангел, девочка,
Тихо угас закат.
Звёзды звенящей мелочью
Сыплются в облака.

Где-то с весёлой песнею
К лету ручьи спешат,
И молоко небесное
Вылилось из ковша.

Месяц лимонной корочкой
Виснет на тополях.
Где-то в дремучей полночи
Спать завалился страх.

Ах ты мой ангел, девочка,
Мы заплетём косу.
Лунного света ленточки
Нам мотыльки несут.

Ангел, пока летаешь ты
Ночью в цветастых снах,
Синего неба краешек
Спит у тебя в глазах...

Отпусти! Не твоя

Отпусти! Не твоя и твоей не была.
 Я плохая, лихая, распутная.
 Я играла с тобой, я тебя провела.
 Что мне жизнь? Одеяло лоскутное.

Из кусочков смешных, из цветных лоскутов.
 Ни рисунка, ни смысла, ни вымысла.
 Сострочила его, чтоб укрыться. А снов,
 Что под ним увидала, не вынесла.

И бессонница-жизнь, вся из ярких заплат,
 Будто вспышки зарниц суматошные.
 Никогда, ни к кому не вернулась назад,
 В лоскуты разрывала я прошлое.

Сострочила из них одеяло. И что ж?
 Абы как сострочила, как хочется.
 Но другого такого вовек не найдёшь —
 Беспардонная чересполосица...

Уходи! Не твоя и твоей не была.
 Я плохая, лихая, беспутная.
 Я на память себе лоскуток забрала.
 Что мне жизнь? Одеяло лоскутное.

Ты спишь?..

Ты спишь? Не спи. Давай болтать о главном —
 О расстояниях между городами,
 Которые проходят пилигримы.
 У них в котомке соль, краюха хлеба —
 Ржаного, с хрусткой корочкой... А знаешь,
 Когда весной из леса тянет прелью
 И дым костра доносит горький ветер,
 Мне хочется идти, идти просёлком
 На Русский Север, где монастыри
 Стоят на месте капищ позабытых,
 Где тёплый ягель нянькает бруснику
 И рыжих сосен тонкие стволы
 Родят янтарь, играющий на солнце...

Ты спишь? Не спи. Не спи, давай шептать,
 Пугая тени в лунном полумраке, —
 О том, что с неба падает звезда
 И, если проводить её глазами,
 Узнаешь о причудливых краях,
 Куда от века ходят пилигримы —
 И я пойду однажды. Ты со мной?..

Ты спишь. А с неба падает звезда...

Я стану маленькой придурочной старушкой

Я стану маленькой придурочной старушкой
С железными зубами и в очках,
С кудряшкой пергидрольной на макушке,
В нелепых допотопных башмачках.
Я буду спать ночами беспокойно,
Храпеть и чмокать жалобно во сне,
И буду постоянно недовольна,
Что внуки памперс не меняют мне.
Я буду путать справки и лекарства,
Глотать таблетки по сто раз подряд,
Повсюду видеть подлость и коварство,
Подслушивать, что люди говорят;
Блестеть на всех подслеповатым глазом
И крючковатым пальчиком махать...
За всё за это извините сразу.
Я эту бабку не желаю знать!

Старый дом

Нет меня. Заколочены окна, и двери закрыты.
И пудовый амбарный замок проржавел от дождей.
У крыльца развалилось на две половинки корыто.
И в округе совсем ни души. Ни собак, ни людей.

Битых стёкол мозаика. Плачет от ветра калитка.
И в прореху в заборе прорвался малиновый куст.
И ползёт по листу, оставляя дорожку, улитка.
Вот чей домик не будет ни утром, ни вечером пуст.

Я сюда возвращалась однажды. Пустая затея.
Треснул ящик почтовый. В нём с осени листья гниют.
Да и как-то не очень хотела бы видеть людей я.
А собаки и писем не пишут, и мало живут.

Я ушла так давно, что забыла дорогу обратно.
Время бьётся, как рыба об лёд, в бесконечном кругу.
Лишь во сне я бегу на ногах, как положено, ватных.
И до старого дома никак добежать не могу.

Я дурацкая

Allegro

Я дурацкая, дура адская!
 Про любовь я смотрела сны.
 Все в Печорина или в Чацкого
 Были девочки влюблены.

А мне Федю бы, только Федю бы.
 Он стихи мне читал год назад.
 Я смотрела потом в Википедии:
 У Есенина стырил, гад.

Типа волосы цветом в осень...
 В первый раз про любовь запел...
 А назавтра меня он бросил
 И на физике с Анькой сел.

Я, конечно, ему ни слова.
 Ну, там, гордость и все дела...
 А потом он позвал — я снова
 С ним из школы домой пошла.

Чуть меня не довёл до кондрашки —
 У подъезда поцеловал.
 А назавтра подсел к Наташке
 И диктант у неё списал!

Я рыдала потом полночи.
 Да при чём тут любовь?! Ерунда.
 Ты скажи лучше мне... Короче:
 Что я — хуже Наташки, да?!

Нет, Артём, он, конечно, скучен.
 Пашка — друг, ну о чём ты там...
 Мне и Федя не очень нужен.
 Но ведь так же нечестно, мам!

Ты, конечно, уж там как хочешь,
 Только после таких вещей
 Я решила теперь, короче:
 Замуж я не пойду вообще!!!

Пригуби!

Бурным потоком, бешеным ливнем,
Летней грозой я в твоей жизни,
Каплей прозрачною. Хочешь напиться?
Нежным ручьем по лесному оврагу
Буду навстречу тебе торопиться.
Черпай ладонями светлую влагу!
Я родником из-под камня на волю.
Выпей! К губам прикоснуться позволь мне.
Тёмный колодец с пугающим эхом,
Омут, звенящий русалочьим смехом,
Я твой потоп без ковчега и Ноя,
Виски и водка с холодной слезою.
Солнечный луч, напоённый волнами,
Сила, поднявшая к небу цунами.
Я океан изначальной планеты,
Бездна и тьма, где несутся кометы.
Ключ я целебный, врачующий душу.
Что же ты ждёшь?
Пригуби меня.
Ну же!..

Нет музыки

Нет музыки. Ноты осыпались с нотного стана.
Взлетели воронами, сели на крыши домов.
И то, что звучало в моей голове непрерывно,
Гортанными криками вырвалось в небо из снов.

Смешалось с дождями, сгорело с пожухлой листвою,
Подхвачено ветром и снова прибито к земле,
Несётся над полночью, вторя собачьему вою
И скрипу калитки, висящей на ржавой петле.

Нет ритма – бессмысленный топот и шарканье тапок.
Нет красок – осыпался хлопьями пыли пейзаж.
Всё снова исчезло. Остался, как прежде, задаток:
Два чистых листа, алфавит и простой карандаш.

А на аллее нашей липы, липы...

А на аллее нашей липы, липы...
 Сидят старушки в вязаных беретах,
 Похожих на поношенные нимбы,
 А мимо них ползёт на выход лето.

Оно ползёт печально вдоль скамеек,
 Янтарных бликов слизывая пятна.
 Оно серьёзно августом болеет,
 И мой диагноз тот же, вероятно.

Я столько лет прощаюсь с этим летом,
 Косых дождей выслушиваю всхлипы...
 Однажды нимб мне выдадут за это
 И место на скамеечке под липой.

Отражения

Расскажи мне про лунные ночи в чужих краях,
 Про нураги* Сардинии – тайну других времён,
 Про колодцы, где исстари мается звук, троясь,
 И руины, в которых скребётся седой паслён.

Расскажи мне, как вырезал сердце врагу ацтек,
 Как в Вальгалле пируют вояки, вкушая мёд,
 Как положено пить через трубочку чай мате
 И кому свою плоть подарил овдовевший Лот**.

Говори, собирая себя в закоулках лет,
 Отражаясь в огнях допотопной хмельной росы...
 Настоящего нет – и прошедшего тоже нет.
 Время – пыль у подножия ясеня Иггдрасиль***.

* Нураги – древние башни неизвестного предназначения странной формы и кладки.

** Лот – персонаж библейской притчи о Лоте и его дочерях.

*** Ясень Иггдрасиль – мировое древо (скандинавская мифология).

Придумай мне имя

Придумай мне имя, в котором пылит моё детство
Грунтовой дорогой, ведущей на старый причал.
Такое, как будто бы жил ты со мной по соседству
И тысячу раз меня вроде бы прежде встречал.

Такое, как будто бы вместе с тобой на рыбалке
Мы добрую сотню уже натягали лещей
И если один и сорвался, то, в общем, не жалко,
На свете есть много других очень важных вещей.

Придумай мне имя, в котором плетётся по травам
Ленивая лошадь, не слушаясь пяток моих,
В котором мы возле костра рассуждали о главном
И честно курили до фильтра одну на двоих.

Такое мне имя, которое только услышу —
И ухнет в груди, оборвётся, забьётся в висках.
Такое, чтоб я не ушла, на минуту не вышла,
А слушала, как ты зовёшь. Ты придумаешь, как?..

Клубок

Грустили лодки на цепях — не вырваться на волю,
Впитала пасмурные дни остывшая река,
И лето прямо на глазах, с порывом ветра, что ли,
Исчезло, чаек разогнав с прибрежного песка.

Я тщетно куталась в тепло своих воспоминаний —
Рванув за ниточку дождя, их распустили дни,
Смотали в путаный клубок свиданий и прощаний,
Одни лишь запахи реки на память сохранив.

А листья, с дерева слетев, как бабочки порхали.
Деля фарватер, вдалеке гудели корабли
И уплывали на заре в зарёванные дали,
Где тучи сизые паслись на краешке земли.

Зимний морок

Засну. Проснусь. А мир всё так же сер.
Зима сочится тихо меж портьер.
Сошурив свой подслеповатый глаз,
Слезится солнце. И в который раз
Бреду по тонкой грани в полубред,
Где теплится мой сон. А яви нет.

Мне снится обжигающий глнтвейн.
Гвоздикой и корицей пахнет день.
А колба времени белёса и слепа,
В ней не песок, а снежная крупа.
И на снегу отчаянно кровит
Рябина, что клевали воробьи.
В прихожей слышно звяканье ключей.
И поцелуй прохладой на плече.
А дом натоplen. Можно босиком...

Проснусь, жалея.
А зачем?
О ком?..

Фонарь

У фонарей оранжевые нимбы.
Они работать звёздами могли бы.

Но только вот одна у них беда —
Их в небо не пускают провода.

Один фонарь — я видела сама —
Сошёл, наверно, всё-таки с ума.

Он вырвался, взлететь хотел, но — раз! —
Свалился вниз, разбился и погас.

А утром, убирая стёкла, дворник
И знать не знал, что тут случился подвиг...

Небо на землю падает, падает

Небо на землю падает, падает –
Капель серебряных бисер.
Что-то с душой никакого мне слада нет,
Будто на ниточке виснет –

Ниточке пульса чуть различимого,
Лопнет – и сразу свобода.
Доктор легко разберётся с причиной:
Гибель от времени года –

Времени, знаете, коматозного,
Не совместимого вовсе
С жизнью. И реанимировать поздно вас.
Что же поделаешь – осень...

Только представлю – бешено трушу я,
Листья мне саваном жёлтым...
Ты привязал бы к себе мою душу,
Ниточка – видишь? – ни к чёрту.

Синий

В розовом всплеске ветра
Дымки растает след.
Это такая вера:
Всем существом – на свет.

Слепо, на ощупь будто,
Нежно, дрожа, слегка,
Чувствуя силу смутно
Тонкого стебелька;

Капли росы лаская,
Робок, влюблён, не скуп,
Пробует небо краем
Чуть приоткрытых губ;

В зелени гибких линий,
Росчерком между строк...
Так расцветает синий,
Как небосвод, цветок.

Ягоды

Зябко. Туманами сумерки лягут
В сонную зелень травы.
Мне бы в ладони малиновых ягод.
Дымчатых. Тёплых. Живых.
Может быть, лета прервётся агония,
Веток уляжется дрожь,
Ягоды снова губами с ладони
Ты у меня соберёшь...

Вздвогнув, забились под каплями листья.
Пусто в промокшем саду.
Только рябины красные кисти
С горечью холода ждут...

За спиной

Взлететь. Упасть. И снова на крыло.
А этот шёпот за спиной... Ну что ж?
Поверь, тебе ужасно повезло,
Что ты другим покоя не даёшь.

Когда б ты был ничто и звать никак,
Никто б не стал шипеть тебе вослед,
Исподтишка показывать кулак
И проклинать вперёд на много лет.

Взлететь. Упасть. И выжить всем назло.
И снова делать первые шаги.
Поверь, тебе ужасно повезло,
Что за спиной злорадствуют враги.

Эй, город!..

Эй, город!..

Прими в свою ночь меня –
В огней переливы и блики в лужах,
В тени, что сотнями чертят
Крадутся, ползут, нападают и кружат.

Я выдохну душу тебе свою
Облаком пара – и холод под кожу.
Сколько за душу сегодня дают
Эти, которых все негоже?

Хранители топота тысячи ног,
Гула и шёпота, скрежета, визга,
Возьмите вы душу мою в залог,
Сегодня я пасть собираюсь низко –

Любить не того, выпивать не с тем
И драной кошкой по крышам шмыгать,
В дворах полночных средь гулких стен
Кричать и множить ничтожность мига.

И, наглотившись сырых ветров,
Упасть, уснуть и проснуться цацей –
Такой же, каких до черта в метро.
Знакомы? Ну что вы. Легко обознаться...

Неоновое время

Неоновое время. Полгода фонарей.
Вот так живут, наверно, в Заполярье.
Ложусь – темно, встаю – ещё темней.
И солнце – только пять минут в солярии.

Простуженная темень. Дымки от сигарет.
Полгода жизнь упрятана в кавычки.
Азарта нет. Охоты выпить нет,
И третишься на пиво по привычке.

И хочется смотаться от этого всего
И оказаться где-нибудь не близко.
Поехали в Германию опять на Рождество?
Допьём глювайн и доедим сосиски...

Я уйду одна и належке

Я уйду одна и належке,
И только прочь лежит моя дорога.
Я утону в рассветном молоке,
Таком густом, что хоть руками трогай.

Мне кинется под ноги иван-чай,
Малиновые брызги рассыпая.
Я уйду не сразу, не сейчас
По этим ломким стеблям иван-чая.

Я уйду по берегу реки,
По хвое прошлогодней на тропинке.
Мне светят зверобоя огоньки,
Луна свои меняет половинки.

И бусина росы, впитавшей луг, —
Вот глобус мой. Он искрами играет.
Ко мне навстречу тянут сотни рук
Ромашки, полонённые ветрами.

Здесь нет ни километров, ни часов,
Здесь не бывает поздно или рано...
Веснушчатой, растрёпанной, босой
Я уйду всю жизнь в свои туманы.

Окраина

Подморозило. Небо синее
Облака пузырили-нежили.
Двухэтажки мои любимые,
Охрой крашены или бежевым.

Кирпичи на углах оббитые,
На карнизах коты нахальные...
Благодеяние позабытое.
Столько лет на одном дыхании.

Палисадник. Земли окалина.
Окна рыжим в морозной темени.
Это города Б. окраина,
Заповедник другого времени...

Берег скелетов

Говорят, где-то здесь собутыльники старого Флинта
Закопали сокровища гордых испанских идалго.
И пески зашуршали над кладом довольно и сыто,
А песчаные бури уйти флибустьерам не дали.

Здесь хребтины китов и останки могучих фрегатов
Между рёбер своих приютили саму безысходность.
И старуха с косой, подвывая пескам хрипловато,
Урожай собрала. Кто сказал, что пустыня бесплодна?

Здесь песчаные дали покойны и странноприимны.
Что, морские бродяги, наверно, устали с дороги?
Отдыхайте, скитальцы. Наутро далёко в пустыне
Ваш корабль пришвартуют навеки коварные боги.

Их заклятьями движутся дюны, и в блеске алмазов
Прожигает года беззаботное белое солнце.
Жадность ест изнутри человека страшнее проказы.
Наслаждайся, покуда хоть капля воды остаётся.

И шипит океан, к раскалённым пескам прикасаясь:
Не спеши... здесь тебе уготовано вечное лето...
А потом ты умрёшь, вызывая у выживших зависть...
Эта тихая гавань — таинственный Берег Скелетов.

А вы как хотите!

...А вы как хотите — бегите, летите,
теряйте надежду, ищите ключи.
А я — у причала, где цепью брэнчала
дремавшая лодка и чайка кричит.

Заброшу вдогонку течению донку,
закину кормушку, потом затаюсь
дымком сигареты. Отличное лето.
Поклёвок не видно, не слышно — и пусть.

В румяные воды войдут теплоходы,
где солнце рассвет наплескало в туман.
На палубах люди, в купальниках груди.
Протяжный гудок подаёт капитан.

Какая погодка! И чмокает лодка,
слюняво целуя речную волну.
Натянута леска. Без шума и плеска
леща пучеглазого в лодку тяну.

А мама махала руками с причала:
суши якоря, остывает обед!
Затяжка, заначка... Была я рыбачка,
и было тогда мне четырнадцать лет.

Мальчик

Ты маленьким был,
и руки мои
были тебе гнездом.
Мальчик.
Горластый птенец.
Голубые глаза.
Тебе и сейчас, наверное,
Тесен дом.
Но ты подожди.
Меня оставлять нельзя.
Дай мне ещё немного
часов и дней.
Чёлку поправить.
К щеке
прижаться щекой.
Потом ты станешь высоким,
будет тебе видней.
Ты и сейчас, наверно, уже такой...
Во всем виноват календарь.
С тех пор, как ты есть,
Я просто ни разу
Не тронула в нём ни листа.
И всё забывала
тебе колыбельную спеть.
Вечно казалось,
что времени до черта...

Проживут без меня города

Для чего без тебя край земли?
Не пойму ни черта, не увижу.
Буду скучно бродить по Парижу
И считать корабли на Бали.

Что мне тайны индейских руин
И глядящие слепо моаи,
И пингвинов несметные стаи
На хребтах антарктических льдин?

Что мне звёзд перезрелая гроздь
И цветы на песках Атакамы,
И вулканы Камчатки, пока мы
Не вдвоём и не за руку – врозь?

Проживут без меня города,
Раз тебе по душе стало больше
Не гулять по Ямайке и Польше,
А таскать карасей из пруда.

Клинопись

Ах, Европа, я в тебе разленилась!
Палисадники, цветы – всё пастельно.
Даже думаю порой через силу.
Развалилась я в тебе, как в постели.

Намотались километрами трассы
На колёса, на подкорку, на нервы.
Польша, Венгрия... Болгария, здравствуй!
Мы по улочкам петляем в Несебре.

Не сезон. В кафе и тихо и пусто.
Поразъехались по миру туристы.
Волны шкрябают по берегу грустно,
А не пенятся, как летом, игристо.

Тут дома пустили корни в брусчатку,
Прорастают из болгар прямо в греки
И стоят себе ни валко ни шатко –
Деревянные, а всё же навеки.

Морщат храмы штукатурку фасадов,
Щурят окна от солёного ветра.
Море держит этот город в осаде,
И ползёт по стенам времени лепра.

Я вдыхаю древность каждую порой.
Что за странность, ну скажите на милость:
Этот город – просто крошечный город,
Но с тобой я в этот город влюбилась.

Он однажды превратится в руины.
Археологи с руками в мозолях
Будут горбить любопытные спины
Возле клинописи «сашаиполя»...

Немота*Баргузинской долине*

Я молчала, как рыба, слова обменяв на чувства, —
Первобытный немтырь, не познавший бесцветность слов.

Я вплетала в судьбу-паутину речные русла
И меняла набор своих генов и темы снов.

Я вязала хадаки* лучей на изгибы веток
И скользила, как хариус, в холоде горных рек.
Я снимала душой с первозданного края слепок
И срасталась навеки с одною из главных Мекк.

Только жизнь рассудила, что это не явь, а морок,
Да из небыли вырвала с корнем, будто цветок,
И вернула обратно в бессмысленный людный город,
Где заря — даже та позабыла, что есть восток...

Мне снилось небо бирюзовое

Мне снилось небо бирюзовое

Из янтаря.

Так не бывает. Утром, голая,

Дрожит заря

И, грея пальчики озябшие

О первый луч,

Всё ищет скинутое неряшливо

Пальто из туч.

А накануне в пальто закутался

Старик-закат.

Он так спешил и так запутался,

Что наугад

Схватил промокшее и грязно-серое

Совсем не то.

Так и ушёл — ну что поделаешь! —

В чужом пальто.

* Хадак — ритуальный длинный шарф, один из буддийских символов.

Был скверный день

Был скверный день. Под куртку лезла стужа,
совала между рёбер пятерню.
Холодный ветер выл одну и ту же
мелодию. Деревья были ню —
дешёвые натурщицы в мансарде
художника, входящего в запой.
Куда ни глянь (чего, скажите, ради?),
брела толпа — и я брела с толпой.
Внутри меня ворочалось и ныло.
Хотелось крика — бешеного «А-а-а!»
такой животной, дикой, страшной силы...
Мигала лампа. Делались дела.
Весь день на вдохе — чтобы не сорваться,
прожить, дожить, не тронуться умом.
А как? А так! Элементарно, Ватсон...
Нажать shutdown, сбежать, прийти домой,
надеть халат, позвать соседку в гости,
достать коньяк в отсутствие чернил
и полный бак залить с тоски да злости...

Но вечером ты всё же позвонил.

Седые дни, встревоженные птицы

Седые дни, встревоженные птицы,
Вы гнёзда вьёте в памяти моей.
Там только что рядилось лето в ситцы
И горько пахли листья тополей.

Ещё вчера арбузом полосатым
Катился сонный август под откос
И сладко липли тёплые закаты
К моим рукам, волнуя глупых ос.

Дымился пруд среди осин сторуких,
Скрипел настил, давая мощный крен,
Клевал карась (наверное, от скуки —
Ему хотелось в жизни перемен).

И вот уже мне это только снится.
Кричат уныло в пасмурный рассвет
Седые дни — встревоженные птицы.
И так теперь до мартовских календ...

Этот северный город

Этот северный город чернел
Деревянным некрашеным прошлым.
Пассажирский свистел заполошно,
Заходясь от своих децибел.

Уходила под горку дорога.
В колеях освинцовела муть.
И старуха с глазами, как ртуть,
На клюку оперлась у порога.

В глинозёме собачьи следы.
Две герани в окне у кого-то.
Пахло сыростью и креозотом,
И над крышами маялся дым.

Горький воздух пролился микстурой,
Но в плацкарте не много забав...
Этот город кому-то судьба,
А кому-то — на рельсах окурок.

...На берёзе десятков ворон.
Безнадёгой слезились окошки.
И, хватая состав за подножки,
Волочился за нами перрон...

По дороге в Никуда

Я по дороге в Никуда попала в зимний сад.
Был вечер, хрупкий, как слюда, созвездьями распят.
Искрился снег, белел во мгле. Я там была одна.
В ветвях, клонившихся к земле, ютилась тишина.

И только, будто бы в бреду, шептали голоса:
Сорви Полярную звезду с медвежьего хвоста!..
И зазвенел разбитый Ковш, и с укоризной зверь
Сказал печально мне: «Ну что ж, звезда твоя теперь.

Но обещай когда-нибудь вернуться в этот сад,
Каким бы трудным ни был путь из Никуда назад. —
Он заглянул в мои глаза, сказал, спеша уйти:
— Пускай Полярная звезда хранит тебя в пути.

Ей столько лет, что — видит бог! — её мудрее нет.
Но берегись: порой жесток звезды холодный свет».
Я в знак согласия ему кивнула головой,
И зверь рассыпался во тьму пригоршней голубой.

Но не вернуться в те места и не узнать, где сад:
В тот день под утро неспроста был сильный снегопад...
Я по дороге в Никуда который год везу
Хрусталик тьмы, кусочек льда — Полярную слезу.

Вот видишь, ты опять о городах...

...Вот видишь, ты опять о городах.
 Я слушаю внимательно, но сонно.
 Гляжу на птиц в пространстве законном,
 на скаты крыш, антенны, провода...
 Рассказывай!
 У нас опять пурга...
 Набрякло небо и не счесть аварий.
 Не город, а, скажу тебе, виварий.
 Податься бы (как думаешь?) в бега?
 Пристрастно выбрать нижнее бельё.
 Закинуть в шкаф изделия из меха —
 так после изнурительных боёв
 снимает воин пыльные доспехи...
 Сойти по трапу, шурясь на страну,
 где каждый камень в цену артефакта.
 Взглянуть, вдохнуть, дотронуться... А так-то
 не слишком много нового. Да ну...
 К тому ж туристов бешеная рать...
 Рассказывай!
 Мне нравится плутать
 в фантазиях твоих и не бояться,
 что рухнет удивительный палаццо,
 стечёт песком в воронку прошлых лет.
 Такой простор для вымысла иного,
 где каждое написанное слово —
 намёк на то, чего в помине нет...

Оказалось — так просто

Ты не знал ни меня, ни беды моей, ни тоски.
 Ты же думал — я птичка на ветке: пою, скачу.
 Оказалось, давно поседели мои виски.
 Оказалось, что я и болтать не люблю ничуть.

Что слова? Разговоры да сны — как в реке вода:
 Поматросят и бросят, какая там точка джи...
 Оказалось — так просто: веди меня хоть куда,
 Только имя придумай и руку в своей держи.

На ладонях твоих тонким шрамом тянусь, тянусь,
 А в глазах у тебя золотая клубится тьма...
 Мы с тобой перепутались, сбились в единый пульс,
 И от этого «мы» я, ей-богу, схожу с ума.

Будничное

Истончившись до нитки, похмельно сдыхает пульс.
Громыхающий поезд навывлет пробил висок.
Выходное отверстие — рваный бубновый туз.
Время кончилось — лопнула колба, сбежал песок.

Онемевшие пальцы не чувят текстуру дней.
Отрывается век — непутёвый бродяга-тромб.
Надышавшись рекламным неоном, хрипит сильнеей
Этот город, которому толпами рвёт нутро.

Этот город, хранящий на флэшках свою судьбу,
Посылающий дворников глупо тревожить пыль...
Я видала его, как и сотню других, в гробу.
Я списала его, как и массу других, в утиль.

Он истоптан до дыр, и дороги трещат по швам.
Наша память опять проиграла вселенский блиц.
Из провалов её вылезает на свет трава
И зелёными пальцами гладит края глазниц...

Январь. Татры

Отсюда, из спокойного нутра
январских праздников, из лени и безделья,
мир кажется не тем, что был вчера.
Зудят ветра под окнами отеля,
читают утомительный верлибр
старухам пихтам, ржавым и скрипучим.
Наутро тяжким бременем легли
за Татры зацепившиеся тучи.
Уютные дома и там и тут
цветным драже рассыпаны по склонам
и щурятся на небо, будто ждут
обещанного им антициклона.
Ещё туман клубится и царит —
такой же древний, как подножья Меру,
но в этом ожидании зари —
и верность, и терпение, и вера.
И жизнь как обязательный набор
известных смыслов, действий и итогов
мне чудится нелепой и убогой,
когда заря струится из-за гор...

Проскопия

Где ты? Как ты?.. Снег да ветер.
 Воеет чайник на плите.
 От зимы уже две трети
 перемолоты в метель,
 перетёрты в разговорах,
 перекурены молчком...
 Ночь спускается на город,
 расширяется зрачком.
 Как ты, что ты? В тёплой кухне
 куришь, форточку открыв.
 Хорошо зимою мух нет —
 на крючке помойка тухнет
 с бутылками из-под пив.
 Выходные. Ты небритый.
 Макароны варишь впрок...
 И посуда сталагмитом
 подпирает потолок.
 Смотрит ночь в твою берлогу.
 Тополь — месяцу причал...
 Ты, как Маугли, ей-богу,
 совершенно одичал.
 Выкинь мусор и побрейся.
 Я практически в пути.
 А душе — не ждать же рейса?
 Глянь в окно, уже летит.

Избушка

Вверх, по ступенечкам. Слышишь? Седьмая скрипит.
 Так по ночам, если ветрено, маются сосны.
 Это мой дом. Заходи. Удивительный вид
 Здесь из окна. Впрочем, ладно, сейчас уже поздно.

Ты заплутал. Так бывает. Садись у огня.
 Чая? С лимоном, вареньем, а может быть, мёдом?
 В баньку пойдёшь? Изумительный пар у меня!
 Сам убедишься: такого не пробовал сроду.

...Это? Летучие мыши. Зимуют в избе.
 Чёрная кошка? Не верю в приметы. Ты тоже?..
 Ну же? Покойно ли, сыто ли стало тебе?
 Славно. Теперь полезай-ка ты в печь, мой хороший.

Как — для чего?!.. (Стали свечи коптить и мигать.
 Хриплый смешок прозвучал неожиданно тонко.)
 Кто я такая? Да полноте. Баба-яга.
 Вот дожила-то!..

* * *

И бабка закрыла заслонку.

...И падать в темноту

...И падать в темноту,
с корнями вырвав звёзды,
дотронувшись хоть раз
до сути пятернёй.
В безвременье потуг
твой мир однажды создан,
и право есть на глас,
и пару сыщёт Ной.

Засеяна земля
зубами аллозавра,
и нежные ростки
обласканы росой.
Под песенку шмеля
в бессмысленное завтра,
покинув тихий скит,
иди себе босой.

В ладонях принесёшь
не линии, а шрамы,
стигматы от любви,
обиду и печаль.
И примут эту ложь
небесные ашрамы,
над вымыслом твоим
до колик хохоча.

Поставят на учёт,
пустив мечту по венам,
и, жизнью отболев
с начала до конца,
провалишься в зрачок
упоротой вселенной,
сидящей на игле
из вечного яйца.

Старушка из соседнего подъезда

Напал снег. Бредёт по целине
старушка из соседнего подъезда.
Вот так и я — упёрто, бесполезно
пойду бродить по снежной тишине,
жевать губами пасмурные мысли,
нащупывать в кармане валидол,
смотреть, как неба серенький подол
застиранным бельём на соснах виснет;
подсчитывать оставшиеся дни —
так буднично, как мелочь в гастрономе...
И радоваться: помнят дети, помнят! —
Вот сын недели три, как позвонил...

Я привезу волшебные стихи

Я привезу волшебные стихи
Тебе из-за морей и океанов.
Рождённые безумием стихий,
Питомцы ураганов и вулканов,
Написаны на пальмовых листьях
И переплетены тиснёной кожей;
В них сельвы амазонской влажный страх,
Они на вязь арабскую похожи.
В них степь цветёт и маки топчет конь,
Лоснясь боками в зареве заката;
В них мотыльки стремятся на огонь,
Пока река ворчит на перекатах.
В них берег дальний в белых бурунах,
Размах гигантских крыльев альбатроса.
И ты. Тебя я видела во снах,
Бакштагом проходя Галапагосы.
А ночью в незнакомых городах,
Где фонари ковры свои стелили,
Писала я на пальмовых листьях
Стихи. Тебе. Нектаром белых лилий...

Старик

...Старик бормотал, рассыпая ошмётки фраз.
Он был долговяз, бородат и довольно дряхл,
Космат, словно спорил со всеми ветрами враз,
И сед, как полынь на заброшенных пустырях.

– Ты думаешь, будто я старый безумный бомж.
Шарахнулась в сторону, только присел на край.
Да я необидчив, чего там, но, хошь – не хошь,
Я всё же задумаюсь, брать ли такую в рай.

А вот тут недавно хотел поболтать с одним.
Бормочет: «О господи...» Думал: признал, сынок!
А он – наутёк... А душа до сих пор саднит.
Выходит, на деле не так вам и нужен бог.

А помнишь? Бывалоча я преломлял хлеба!
Вот крошки остались... Дырявый карман – беда!
Не хочешь? Ну, гулюшкам... Ладно, бывай, раба...
Поднялся старик и пошёл не пойми куда...

Купите красного коня!

– Купите красного коня!
А если что – возьмите даром.
Он непослушен у меня.
Он был рождён степным пожаром,
Рассветом взвился в ковылях,
Не знал седла и знать не хочет.
Как носит неслуха земля?!
Поганым глазом, верно, порчен...

– Беру коня! Отдайте мне!
Не он дикарь, а вы, ей-богу.
Ему – нестись по целине,
А вам привычнее дорога,
Где в пыль истоптана земля,
Где скучно шаркают подошвы
И неизменна колея...
Беру коня! Пойдём, хороший!

...Умчались мы, как рассвело
И стихли крики козодоя.
Мне стала радуга седлом,
А ветер – крепкою уздою...

Башенки, улочки...

Башенки, улочки... Дальние страны.
Портреты, штрихи, философская чушь.
Ночные прогулки, джаз-банд, рестораны.
Пастельные домики в лапках нирваны.
Столицы и глушь...

Пляжи, лагуны, горячие камни,
Хранящие Тетис в осколках сердец...
Но генная память молчит. Ни черта мне
Не шепчут ни запахи трав, ни преданья,
Ни сны, наконец.

Ритмы фламенко. Кофейня на пьяще.
Любовь к парижанкам до самых трахей...
Есть много на свете, мой милый Гораций.
А мне бы опять по просёлкам бурятским
На дикий Умхей...

Рваное небо

Небо непрочно и рвётся, бывает, вдрызг.
Шарят по небу лучами прожектора.
Юнкеры воют, их вой переходит в визг.
Рваное небо, рваное небо, рва...

Слушай, запомни: ты видишь кошмарный сон.
Время придёт, ты проснёшься живым, малыш.
Хлеб, молоко, за окном колокольный звон —
Благовест будто бы льётся с горбатов крыш.

Мы доживём. Захлебнутся слезами псы,
Те, кто людей штабелями в суглинок рва.
Кто ж, как не мы, будет штопать однажды, сын,
Рваное небо, рваное небо, рва...

Моя зима

Короткий сон. Белёсые рассветы.
 Стальной позёмкой выскоблен асфальт.
 И кажется, что будущее лето
 Несбыточней, чем месяц флореаль.

Скажи, а ты – что чувствуешь, как дышишь,
 Когда зима шарманку завела?
 Боготворишь ночник янтарно-рыжий
 За эту имитацию тепла
 И, путаясь в пуховом одеяле,
 Проваливаясь в прошлое до дна,
 Разглядываешь смутные детали
 В рисунке наползающего сна?..

А я – не так. Мне страшно зимней ночью.
 Коленки к подбородку подтянув,
 Я чувствую, как стынет позвоночник,
 И вою, будто нежить на луну.

Проснусь – и в забытии скольжу по краю...
 Зимой я не живу.
 Я выживаю.

Бестолочь

Сеют влажную мутную мелочь
 запылённые мглой небеса.
 Понимаешь ли, осень, ты бестолочь,
 я под дудку твою плясать
 не намерена. Хватит мне дробно
 забивать в тротуар (раз-два-три)
 не шаги – отголоски озноба.
 Ты сама на себя посмотри –
 разлохматилась, куришь туманно
 эти ночи одну за одной,
 разливаясь зрачком наркомана,
 улыбаясь щербатой луной.
 Полуголая анорексичка,
 вздохи-тени и рёбра ветвей,
 ты всегда, добывая отмычку,
 квартируешь в моей голове.
 Выметайся.

Опавшие листья
 подобрав, будто длинный подол,
 осень в темень умчалась со свистом.
 Я поставила кружку на стол.
 Бармен был полусонно-участлив.
 В пятой пинте клубился янтарь.
 Окна в башне напротив погасли.
 Рыжевато сочился фонарь.
 Был рекламный неон перламутров.
 Вой сирены ударил в стекло...
 Осень сбило трамваем. Под утро
 белый контур вокруг намело.

Как будто штиль

Ветер гулял в голове, рвались паруса.
 Нынче как будто и штиль, но прогноз неточен...
 Тихая гавань, асьенда, тенистый сад.
 Томик Петрарки, шиповник, цикады ночью.

Нижние юбки и зонтик от солнца — ах!
 Чай с чабрецом на террасе, сиеста, вереск...
 Бледными пальцами сломан цветок в сердцах.
 В дамском седле и галоп не галоп, ты веришь?

Ждать ли, когда пропадём, словно Порт-Рояль?!
 Поздно, загнувшись, фортуне давать на лапу.
 Тихая гавань... конечно, немного жаль...
 Дай-ка мне руку, отвыкла от узких трапов!

Хвала нерождённым

И слышал голос... говорящий: иди и смотри.
 И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нём всадник,
 которому имя «смерть»; и ад следовал за ним...

Откр. 6:7-8

Стучали копыта. От этого стука
 Трещала височная кость.
 Деревья хватали коней многоруко:
 Постойте, не время... Но время с испугу
 Галопом несло.

Лохмотьями чёрного кислого дыма
 Заштопан начавшийся век.
 Ах, если бы только, как прежде, могли вы
 Обычной голубке с листочком оливы
 Доверить ковчег...

Хвала не рождённым в текущем столетье.
 Я тоже не буду рождён.
 Ты слышишь — свистят бесноватые плети?..
 Счастливые сны на последнем рассвете
 Смывает дождём.

Иди и смотри. Вчетвером, как по нотам.
 Последний — на бледном коне.
 И будут взрываться от страха аорты,
 И станут живые завидовать мёртвым,
 А мёртвые — мне...

Колея

Моя Россия. Рыжая земля,
Раскисшая от стаявшего снега,
Идущая до края колея
Среди травы безжизненной и пегой.

Над вырубкой висит дремотный дым,
Горчит и дразнит смутным непокоем —
Ночными полустанками, тоскою
И привкусом колодезной воды.

И хочется махнуть рукой, ей-богу,
Знакомым окнам, улицам в пыли;
Идти, идти просёлочной дорогой
По скользкому суглинку колеи;

Смотреть, как тлеет солнечный окурок
В тумане припозднившейся зари...

Вы памяти моей поводыри,
Весна и осень, свет и зябкий сумрак...

Хранители

Небо кончилось. Крылья сломаны...
Ну какой же ты ангел, раз пеший.
Ты об этом жалеешь словно бы?
Без тебя обойдутся, распевшись

В облаках голосами нежными...
А напьемся давай, чтоб тошно бы.
Нам пора становиться грешными.
Крылья сломаны. Дело прошлое.

Крылья сломаны. Крылья сброшены.
А без крыльев жизнь, знаешь, та ещё.
Ты никто теперь, по-хорошему.
На краю постой нелетающим.

И пройди босиком по развалинам.
По осколкам, обломкам, плесени...
Если б боги крылья раздали нам,
Как же стало на небе тесно бы.

Ну а я в небесной обители
Заскучаю от сладкого гомона.
Я останусь с тобой хранителем.
Кто-то ж должен. Раз крылья сломаны...

После дождя

Водою дождевою полнится,
Шумит меж зарослей река.
Над ней кричит печально горлица
И прячут небо облака.

И, вторя горлице надрывно,
Сползая с гор, вползая в сны,
Унылый голос муэдзина
Звучит с татарской стороны.

На горизонте в дымке сейнеры,
Цикады в мареве сверчат,
И янтарем желтеет в зелени,
Напившись солнца, алыча.

Мне жизнь другая и не помнится.
Я тут, как горы, на века.
Весь день кричит печально горлица,
Камнями горбится река...

Крым, Морское

Пускай сожгут закатные костры

Пускай сожгут закатные костры
Мою весну, мою немую песню.
Разбились и рассыпались миры.
Я умерла. Как жаль. Я не воскресну.

Я хлопьями тумана над рекой
Растаяла. Искать меня нет толка.
Я – тень полуденная. Тронь меня рукой!
Нет ничего. Лишь пустота – и только.

В пыли давно забытых богом троп
Я след, что вечность замела когда-то.
И я из тех, кто встретил свой потоп
У самого подножья Арарата.

Я та надежда, что легла росой
Цветам в ладони в середине лета.
Когда пришла та женщина с косой,
Давно была я выпита рассветом.

Я веток тех беспомощный излом,
Что ты в огонь подкинул между делом.
И я тебе дарила то тепло,
В котором так красиво догорела.

И ты, лелея пламя прошлых лет,
Грусти. Я та, которой больше нет.

Манино чудо

Приключилась у Мани любовь. Это было весной.
Как на крыльях, она на работу, с работы – домой.
А когда позовёт (да когда б ни позвал, не беда!) –
В электричку и все шестьдесят километров – туда.

На веранде – коты. На коленях заботливый плед.
Два бокала вина. И оранжевый солнечный свет.
Непреложная истина в море бессовестной лжи:
Только в сорок она начинается, женская жизнь...

Ах, как верила Маня, хоть всякое было уже,
Этим струнам, которые тренькали в нежной душе!
Ведь всю жизнь (присмотрелась – видна седина
на висках)

И не дура совсем, а по чуду – такая тоска!

Но ни разу и мысли, что, может, и чуда-то нет.
Вот выходит – и правда, по вере. Не зря столько лет...

...Это было в кафе. В декабре мало солнечных дней.
Он сказал, что любовь – это чудно,
но жалость сильнее.

Что с женой у него и хозяйство, и умница дочь.
А для Мани – два раза в неделю бессонная ночь.

Что без Мани останется он навсегда одинок.
Но с женой он уже двадцать лет, это всё-таки срок.
Что кредит за машину не выплачен. Платит жена.
Ну а Маня, конечно, по-прежнему очень нужна.

Ведь такая любовь – только раз, да и то не у всех...
А на улице падал и падал декабрьский снег.
Торопились прохожие. Жизнь продолжалась в окне.
Он сказал ей: «Люблю», – и уехал обратно к жене.

И тогда в голове между разных нелепых вещей
У неё отложилось: любви не бывает вообще.

Дача

Перцовки литр. Да что там пить двоим.
И деду весело, и мне не то чтоб грустно.
Чеснок. Редиска. Хорошо сидим.
Ну и куда ж без квашеной капусты.

А за окном щебечут все подряд,
И голос сорвала уже кукушка.
Я б тормознула, честно говоря.
Но дед полез за новою чекушкой.

Ну а чего бежать мне от судьбы?
Еды – как в пресловутом коммунизме.
И манят глянцевыми шляпками грибы...
Я их подозреваю в ботулизме.

Я сроду Прометеем не была
И стану им когда-нибудь едва ли.
Зачем весь год я печень берегла?
Чтоб вот сейчас орлы её склевали?

Пусти на грядки, дед! Хочу копать!
Нам, городским, ваш сельский труд за диво.
А на столе, смотрю... да вашу мать!
Уже стоит пузырь – два литра пива.

Какой костёр, какой закат-рассвет,
Какие там природные красоты.
Я узник твой, а ты тюремщик, дед.
Ну ладно, наливай уже, чего ты...

Апогей одиночества

Пахнет осенью раннею
В этот год до поры.
Расцвели на прощание
Золотые шары.

День как будто короче стал.
Время – в пальцах песок.
Апогей одиночества –
Вечер. Пруд. Поплавок.

Я боюсь тебя разлюбить

Я боюсь тебя разлюбить.
Прикоснуться — и не услышать,
Как толкается в горло пульс,
Зацветая внутри огнём.

Я боюсь, разорвётся нить —
И пойму: ничего не вышло.
И подумаю: ну и пусть,
Да не клином же свет на нём...

Отвернусь и уйду. А ты?
Перемоешь, наверно, кружки.
А в окно будет биться дождь:
Если плохо — всегда дожди...

И, домаясь до темноты,
Будешь спать на моей подушке.
И собаке своей шепнёшь:
Вот и всё, не придёт, не жди...

Я боюсь тебя разлюбить...

Время. Диагноз

Время не лечит. Оно размывает контуры,
Ставит заборы и вешает шторы и шоры.
Бродишь и бродишь по этим задворкам до одури,
Тыкаясь в стены и путая коридоры.

Время не лечит, а подменяет понятия.
Помнишь, была паутина? А кажется — кружево!
По ощущениям — вроде висел на распятии,
А вспоминаешь, что неудачно поужинал.

Время не лечит. Оно забавляется с прошлым.
Правду меняет на разные безделушки.
Память раскрошит — и носит в кармане крошки.
Время не доктор, оно пациент психушки.

Мы

...Та, во мне, цинична и нахальна.
 Я как плачу — ей смешно всегда.
 Ей родиться б шлюхой привокзальной,
 Чьи грехи увозят поезда.

Горько мне, обиды вспоминаю —
 Цыкает сквозь зубы, матерясь.
 Тяжело мне. Я совсем иная.
 Я чиста! А тут такая грязь.

Я влюблюсь, а ей плевать на чудо.
 Щурит глаз, пускает дым в окно
 И бубнит: «Да брось ты, сука буду,
 Но любви на свете нет давно.

Что ж ты вечно курицей да в ошип?
 Всё мечтаешь? Ты вокруг-то глянь!..»
 И ни разу не ошиблась, в общем,
 Грубая, бесчувственная дрянь...

Я пою — она вздыхает тяжело,
 Я реву — ей горе нипочём...
 Так и уживаемся — ромашка
 С неприлично тёртым калачом.

Я останусь

Заползаю жучком под кору первобытных
 инстинктов.
 Остываю в безветренном холоде анабиоза.
 Расползается мир, словно ветхая тряпка. Да что за?!..
 И мелодия та же. Но только затёрта пластинка.

Разрываются связи. От альфы отбилась омега.
 Распадается радуга, гаснут цветные волокна.
 Ты не знаешь... А я не ушла, оглянувшись на окна.
 Я останусь на вечные веки твоим берегом.

...Будут волны послушно ласкать полумрак языками.
 Я очнусь, замурована в капле соснового сока.
 Миллионы веков истончатся до звона, до срока —
 И под ноги тебе море выкинет солнечный камень.

Когда я уйду на пенсию

Когда я уйду на пенсию,
Мне будет под сотню лет.
Закрутятся хитрым вензелем
Конечности и хребет.

Но утром по понедельникам,
Закинувшись сотней грамм,
Я буду бродить бездельником
По улицам и дворам.

А летом, всегда по вторникам,
Как птичий утихнет свист,
Я буду небесным дворником,
Сметающим звёзды вниз.

Когда же дыхнёт прохладцею
Сентябрьская среда,
Отправлюсь пешком на станцию
Подсчитывать поезда.

Потом, насчитав достаточно
И даже немножко сверх,
Куплю я билет (до дачи мне),
И будет в тот день четверг.

А в пятницу между травами —
Увижу издалика —
Кувшинками златоглавыми
Навстречу сверкнёт река.

Субботу просплю бездарно я.
Назавтра с тобой вдвоём
Мы сядем за стойку барную,
По пиву себе нальём.

И если позволят зубы мне,
Я к пиву добавлю стейк.
А после опять придумаю,
Что делать в ближайший век.

Мой гамак

Буду молча в глаза смотреть —
Отраженье искать своё.
Я в твою залетела сеть.
Покачай как гамак её?

Сонный полдень гудит шмелём,
Собираясь в цветке уснуть...
Наконец-то с тобой вдвоём.
Кто паук, кто в сетях — не суть.

Мне бы, знаешь, всю жизнь вот так:
Ты и этот гамак...

Когда в лугах взрывается заря

Когда в лугах взрывается заря
И лижут ветры жар её боков,
И первобытным пламенем горят
Белёдые лохмотья облаков;

Когда её ударная волна
Срывает с леса сумрачный наряд,
С лучом совокупляется сосна,
Рождая рыжий отблеск янтаря;

Когда туман, росу свою пролив,
Стекает в реки с дымных берегов —
Я чувствую язычество Земли,
Я верую в языческих богов!

Молитва

Прорастая друг другом, сплетаясь корнями,
мы знаем, что осень неотвратима,
что она однажды придёт за нами
с холодом-побратимом,
обрывая листья бездумно, походя,
вырывая страницы памяти, подменяя оттенки фраз...
Но, пока не случилось этого, Господи,
не остави нас...

Осеннее. Насквозь

Я ранена тобой. Который год навьлет
Проходит зябкий дождь, касаясь позвонков.
Ах, если бы меня заштопали, зашили...
Но тянутся насквозь лохмотья облаков.

Как бусы, нанизав счастливые приметы
На путаную нить, ведущую из сна,
Я будто в забытии цежу остатки лета –
Последние глотки игристого вина.

Но, даже опьянев до глупости, до буйства
От позднего тепла, закравшегося в сад,
Я чувствую рывки стреноженного пульса
И слышу, как шуршит по венам листопад.

Я ранена тобой. Ты, осень, бесшабашна,
Ты рвёшь из дневников пожухшие листья.
В прозрачном янтаре темнеет день вчерашний,
Нелепым мотыльком беспомощно застыв...

Капсихор*

На сонных улицах жара.
Ленива туча в пыльном небе.
Дрожит заката алый гребень,
Рождая зарево в горах.

Средь туй и сосен на холме
Тропа узка и камениста.
Крик чайки горек и неистов
Ворчанью горлицы взамен.

Взбираюсь меж могильных плит.
За мною тянется цикорий.
Внизу хрипато дышит море,
Качая сейнеры вдали.

И я гляжу на Капсихор,
На крыши в серой черепице,
Построек скучных вереницу
И пирс, разбитый в зимний шторм;

На вечных будней череду,
На эту пыльную дорогу —
И понимаю — ближе к богу
Они покойников кладут...

Тишина, которая звучит

Есть ты и я. Меж нами сто дорог
и тишина, которая звучит
собачьим лаем, стрёкотом сорок,
уютным треском в старенькой печи,
то выдохом, то вдохом сквозняков,
шуршаньем трав и кваканьем в пруду,
и грохотом ночных товарняков,
надсадно извещающих «и-ду-у-у!».

И в этой непроглядной тишине
всё врозь у нас с тобою, вкривь и вкось...
Нелепей не бывает и смешней:
кричи да плачь — вспугнёшь дурных стрекоз,
взметнутся, солнце крыльями дробя.
В ответ из перелеска метроном —
ку-ку, ку-ку... Мне столько без тебя
не нужно, слышишь?!
...Тихо всё равно.

* Историческое название села Морское, Крым.

Одуванчик

По трещинам изношенных дорог
Проводит ветер пальцами слепца.
Там жёлтый новорожденный цветок
Пробился, как цыплёнок из яйца.

Чужак, пришелец, пасынок весны,
Над ним рассвет тревожен и багров.
Он – первенец и вестник тишины,
Живущей на развалинах миров.

Он видел вечность – пегую полынь,
Которая молилась пустырям,
И горечь дыма с хлопьями золы,
И сушу, уступившую морям.

Из трещины у города в груди
Он щурится блаженно и смешно.
Он завтра с ветром в небо улетит,
Он пух от пуха, прах от праха, но...

Ещё пылят и воют города,
Но строит плот безумный имярек,
И яблоням в заброшенных садах
Давно плевать, какой на свете век.

Траектория

У времени весёлое лицо.
Давай поговорим, в конце концов,
О том, что слишком зыбко, слишком нервно.
О странной траектории любви.
Ещё вчера касания твои
Мне тело выжигали изнутри,
И боль была отчётлива, трёхмерна.
Потом сменили градус вечера.
Уже не так тепло светились окна,
И утром не румянился восток нам,
Бессонницу встречая на ура...
Из верхней точки только два пути:
Взлететь (а помнишь – мы с тобой летали,
Кружились по немыслимой спирали,
И руки не разнять, и не уйти) –
И падать вниз.

Падение, полёт...

Их различить под силу только птице.
А нам с тобой всё кажется и мнится,
Что мы летим. И осень настаёт.
Её порыв (и ветра тоже) чист –
Вина и мёда к зелени добавить.
Гляди в окно: вот этот жёлтый лист,
Которому так кстати позолота,
Как мы, пленён иллюзией полёта,
Но падает.

Возьми его на память...

Скрип

В конце июня сны уже не те.
В них крепнет горечь будущей потери.
Проснёшься утром в скомканной постели —
И слышишь скрип несмазанных петель.

А это просто ветер между туч
Нашёл и приоткрыл калитку в осень
И каждый божий день в неё выносит
То листик, то цветок, то солнца луч.

И я спросонья будто бы в бреду
Лежу и повторяю: боже-боже,
А вдруг он и меня утащит тоже,
А я пути обратно не найду?!

Но ты меня обнимешь в полусне,
И эта глупость, это наваждение
Сменяется дремотной сладкой ленью...
Ну будет осень. Ну и шут бы с ней...

Капелька

Нет времени. Есть капелька росы,
Которая сползает по листу.
Ты думаешь, что тикают часы
И что минуты в год перерастут.

Ты обречённо смотришь в календарь
И, вырвав лист, рождаешь листопад
Той осени, что смоем навсегда
Чернильные следы минувших дат.

Перебираешь чётки прошлых лет, —
Сливаются потери в мерный стук:
Не-то, не-так... Тик-так, тик-так — в ответ.
А капелька стекает по листу...

Три ложки сахара. Лимон

...А ты уходишь снова («Дверь закрой!»).
Надолго ли? (А Бог уже смеётся.)
И я лечу себе на дно колодца,
сливаясь с этой чёрною дырой.
Хватаюсь за осклизлые бока
осенних дней, кружусь с листвою вместе,
мараю календарь – рисую крестик,
и он похож на хохот (буквой «ха»).

В окне берёза, ей под шестьдесят,
она шуршит о вечном по привычке.
А я ломаю каждый раз по спичке,
свечой встречая пасмурный закат.
Моя собака ждёт куда умней,
она не пьёт коньяк, не матерится –
да будь ты хоть в замшелой Чичен-Ице
среди бездомных траурных камней...

Но я тебя, озимый сладкий сон,
уже ращу под влажною подушкой,
и мятный чай в твоей огромной кружке
вкусней...

(Три ложки сахара. Лимон.)

Ты и я. Грани

Ну так что ж... Давай опять, как раньше,
Примем боль других координат.
Я прикинусь чайкой над Ла-Маншем,
Ты – холодным небом под и над.

Я – луны томительным овалом,
Ты – горячим золотом песка,
Я – вьюном на тёплых серых скалах,
Ты – тропой, протоптанной в веках...

Всё впусую! В нашей ойкумене
Ты со мною всякою знаком.
Я тебя касаюсь быстрой тенью,
Светом или бледным лепестком.

Вырвусь хрипом, шёпотом останусь...
И печаль, как бабочка, легка
Там, на грани, где сентябрь и август –
Два цветка на тонких стебельках.

Альбатросы иных времён

Облака – это перья порванных ветром птиц –
Альбатросов другого мира, иных времён.
Перед ними когда-то падали горы ниц,
Океан затихал, бездвижен и раскалён.

Альбатросы касались крыльями дальних лун,
Рвали ночи, и тьма сползала за край миров.
Только старилось солнце, нянчили ветры мглу –
И не справились птицы с тёмной тоской ветров.

Зашипела, закатом в волны скользнув, жара,
И осыпались звёзды в темень пустых глазниц...
Вдруг тебе доведётся быть высоко в горах?
Принеси мне оттуда пёрышко древних птиц...

Пока не вызрела трава

В основе всех дорог – желание уйти.
От недругов, а чаще – от друзей.
И вот уже звучит бунтующий мотив,
Раскручивая будней карусель:
Уйти! Пока тоска (мечта, обида, боль)
Набату полоумному сродни,
Пока ещё никто не дёрнулся: позволь!
Куда? Зачем? А ну охолони!..

Уйти, пока в лугах не вызрела трава.
Иначе (улыбайся, не скули)
Синицы, как всегда, вернутся зимовать
И канут в белом небе журавли.

В начале всех дорог во все концы земли –
Отчаянье в рассветной тишине.

Уйти – пока в тебя корнями не вросли
Фиалки на зашторенном окне...

Вероятность метаморфозы

Однажды...

(Запомни: я буду уже не та.

Улыбки истают, браслеты бренчать замяются.

И новую осень я вряд ли прочту с листа —
раскрошатся листья в моих равнодушных пальцах.

Луна потеряет пикантность кусочка бри,
повиснет на чёрных озябших ветвях, сутулясь.

С приходом зимы я забуду и горлиц крик,
и сладкую дыню, и цвет алычи в июле.

Прищурясь на солнце, спокойно приму весну,
и, скучно губами колючей щеки касаясь,
я походя фрезии в старую вазу ткну...)
...ты можешь уйти. Ну зачем я тебе такая?

Край

Белое небо, серые облака.

К свету тянусь цветком однолетним. Зябко.

День улетает крылышком мотылька,

То закружит по прихоти сквозняка,
То прилипает к сумеркам, как заплатка.

Солнце поспело, тихо ползёт в разлом.

Я обвожу пылающий контур пальцем.

Мир трусовато прячется за стеклом —

Улицы, башни, лица... Я всем назло

Лбом упираюсь в надпись «Не прислоняться».

Как же порой охота сорвать стоп-кран,

Выйти в краю, где время теряет силу.

Там в тишину вплетаются стебли трав,

Ты пропадаешь с удочкой по утрам

И мотыльки цветастые не бескрылы...

Синдром

Что осень? Удивительный купаж
 Надежды, веры, горечи, надлома.
 Тоскую. Генетическая блажь.
 Подобие стокгольмского синдрома.

Так больно: ничего не сохранить,
 Не удержать ни в памяти, ни в пальцах —
 Ни в речке отражённые огни,
 Ни дикого цветка протуберанцы...

Так сладко: ничего-то не успеть,
 Всё пустота... И время увлечённо
 Пластает и раскраивает медь
 Сентябрьского полуденного звона.

Материк

Отшельником, забывшим про людей,
 Замшелым дикарём живёт старик.
 На глобусе не значится нигде
 Его давно закрытый материк.

Портки на нём, с ширинкой нараспах,
 Заштопаны нелепо, да навек.
 Зима-старуха, так её растак,
 Свила гнездо на буйной голове.

Поёт, гудит огонь в печной трубе.
 Избушка только-только на двоих.
 — Ну что, отец... — Ему нальёшь, себе. —
 Рассказывай, как яблони твои.

Бубнит, бубнит... Про дождь, про урожай.
 Смотрю в окно. В окне чернеет лес.
 А вот бы никуда не уезжать,
 Сойти с ума в ловушке этих мест,

Где даже в увядающем саду
 От снов и одиночества хмельно,
 Луна из лужи смотрит в высоту,
 А мудрость и безумие — одно...

Не зови непогоду

Никогда не зови непогоду в свои края,
Пусть она обретается в тучах до снежных дней.
Пусть белеют ромашки и маки в лугах кровят.
Лишь бы солнце, а если жара, то и чёрт бы с ней.

Ты же знаешь, что лето сегодня капризный гость
И спугнуть эту цацу под силу тревожным снам.
А из небыли нашей всё только на треть сбылось.
Вот бы тёплое море и сонные горы нам!

Пусть для нас приготовят большую постель, да так,
Чтобы вдоль, поперёк или даже наискосок,
Чтобы дверь на замке и ни друг не вошёл, ни враг,
Чтобы время на пляжи рассыпало свой песок.

Чтобы утром из окон — громады былых времён,
Мегалиты, брусчатка и прочая дребедень,
Горделивыми сколами верных своих колонн
Редкозубая вечность вгрызается в божий день.

И у древних руин я, смеясь, поклянусь тебе,
Что и в горе, и в радости, присно, вовек, аминь.
Удивлённые лодки забудут в порту скрипеть,
Да на серой скале тихий ветер качнёт полынь...

Белая сова

Сладко спит на Меганоме* горькая трава.
Ветры зимние о кладах тайное поют.
Охраняет эти клады скифская вдова.
В растревоженном кургане был её приют.

Кони прядают ушами, всхрапывают зло.
Оступившись на подъёме, пятятся назад.
Оплетают ужас древний гибкою лозой...
Уходи, пока закатом камни не кровят.

Только сумрак оседлает полусонный кряж,
Из тумана белой тенью вскинется сова,
И за жизнь твою копейки с той поры не дашь —
Это вестник скорой смерти, скифская вдова.

Крикнешь — эхом возвратится чей-то долгий стон...
Жмётся конь, скользят копыта. Что ж ты, волчья сыть!
Тени длинными когтями вспарывают склон.
Солнце тлеет сердоликом.
Поздно уходить...

* Мыс Меганом, Крым.

Последний день

Над крышей исчезающий дымок.
 Ну вот и всё. Последний летний день.
 Когда стерня уже не колет ног,
 Попробуй прогуляться по воде.

А так — гадай, откуда горечь снов
 И поздних ягод, найденных в саду,
 И отчего мерещится давно,
 Что ты сама с собою не в ладу.

Задёрнешь окна. Что ж, пора идти.
 Тому, кто остаётся, тяжелей, —
 И дом вздохнул и преданно затих.
 Холодный воздух тянется с полей.

Смотреть назад не стоит, уходя...
 Оглянешься (да что, в конце концов!) —
 Увидишь астры в бусинах дождя
 И вдруг осиротевшее крыльцо.

Осенний лист на этот аналой
 Уронит помутневшая заря...
 Я уйду из августа долой
 Сквозь тлеющие угли сентября.

Птица

Ещё недавно — кажется, вчера —
 свила во мне гнездо большая птица.
 Большие крылья хлопали с утра,
 а я вздыхала: что тебе не спится?
 ...А осенью, в один из хмурых дней,
 она взвилась, печальнее заката...
 И я нелепо вслед махала ей:
 куда? зачем? вернётся ли? а я-то?

И в это опустевшее гнездо
 вселяются (надолго ли, навечно?)
 юродивая преданность крестов,
 столпившихся на кладбище у речки,
 сиротство облетевшего леска,
 шумевшего недавно по-хозяйски,
 и стылая упрямая тоска
 картофельного поля под Можайском...

Реликтовая память

Осенний свет тревожен и пуглив.
Его скребёт, дрожа, сырая хвоя.
И прошлое (далёкое, глухое,
которое уже не сберегли, —
не пыль дорог, не тайна древних троп,
но бледное подобие пунктира)
вплетает в мой венок и розу мира,
и розы остывающих ветров...

Но я уже не слышу этот зов.
Сквозняк, играя с памятью моей,
выветривает сонные менгиры —
разбросанные камни прошлых дней:
уже не вспомню, если кто-то спросит,
где правда, где — бесовестный обман.
Я принимаю пасмурную осень
и, в забытьё вливаясь, словно в сети,
вдыхаю с благодарностью туман,
как анальгетик...

Звёзды ближние и дальние

Остатки уходящего тепла
ещё гнездятся в лампочке подъездной —
циклоп приветлив, но подслеповат,
и я иду на эти сорок ватт.
Густая ночь по жилам потекла,
ощерилась, раззявилась, как бездна,
тревожа зыбким контуром Плеяд.

Но что мне бледный свет далёких солнц,
призыв звезды, полярной до озноба,
тоска, что из Ковша не испита,
и вести из созвездия Кита?
Что выжженной Венеры вечный сон,
и чёрных дыр всеядная утроба,
и Персеид пустая суета?..

Тускнеет в небе древний Орион.
В подъезде лампа тлеет, как лучина,
и скоро догорит наверняка —
погаснет и обманет мотылька...
А дома ждут яичница, бекон,
горячий душ, единственный мужчина
и три звезды в созвездье коньяка.

Дуга

Дай же мне воды воды
Плесни в ладони
В трещины кожи
Видишь от пыли ветра седы
Скрипит на зубах
Песок
Похоже
Сыплется время
Труха и тлен
Протянешь руку
Туман нащупай
Синее небо синих вен
Плеснёт в пространство
Раскроет купол
Иных столетий
И зов и стон
Сигнальные стрелы
Покой царапают
Синяя хвоя высоких крон
Небо скоблит
Жадными лапами
В древние стены
Врасти плющом
Ногти срывая
Вцепившись
Плохо ли
Разряд
Мало
Разряд
Ещё
Искрит дуга

Между эпохами
Таёт
Таёт
В тумане сад
Уютно было в той оболочке
Страшно
Поздно
Время назад
Зелёные листья
Врастают
В почки

Дышать до хрипоты

Река болеет льдом. Остывший мрак
изрезан острой кромкой по живому,
и корпия берёзовой листвы
беспомощно желтеет на воде.

И сны темны, ползёт холодный страх,
вскипает пузырями в гулкой коме
и жмётся к тонким венам-стебелькам
в придонной полупризрачной слюде.

Течение вплетается в канву
уснувших трав, гудит высоковольтно,
и бледный свет, сочащийся извне,
манит наверх — дышать до хрипоты.

Но явь уже не держит на плаву.
Усни. Проснись... Мерещится — и только —
тепло песка на жёлтом берегу,
где, может быть, песчинкой станешь ты...

Серые нитки

Небо — как шапка, которая велика:
Лезет на лоб с облезлых своих вершин.
Серыми нитками серые облака
Дождь приметал к изнанке моей души.

Трещины-ветки на влажной извёстке дня —
Будто зашла в давно одичавший храм...
Господи боже, спаси от зимы меня,
Жёлтым листом запри меж оконных рам...

Сосняки

На дальнем берегу моей реки
рыжеют на закате сосняки.
А ясным днём, безветренным, тугим,
в котором каждый шорох различим,
я слышу рынду: медным языком
она болтает с медным сосняком.

Пока храпит у пристани баржа,
пока стрекозы в заводи жужжат,
она гудит про то, что корабли
без сосен раньше вовсе не могли.
Мол, вы сейчас, как глупый василёк,
смешите даже муху в солнцепёк.
А прежде – да-а... да-да-а-а...

Гудит вода.
А я брожу по отмели одна
и слышу, как вздыхают сосняки
на дальнем берегу моей реки...

Делирика

Лечу печали наложением рук
На жаркий лоб, на бок пивной бутылки.
Пошлешь меня – и я уйду по ссылке,
Замкнув на ключ такой привычный круг.

А ты не плачь. В знакомых зеркалах
Всё тот же мир – и свет, и тень, и темень.
А я вчера опять пила не с теми
И напилась, и чудно было – ах!

Дорога превращается в пунктир,
В пробелах ночь (оксюморон, однако),
И нет ни указателя, ни знака –
Самой решать, ту бир о нот ту бир.

Но лишь вдали услышу перезвон,
Прикину путь – плевать, что слишком долог, –
Из тьмы, как будто доктор-офтальмолог,
В глаза опять заглядывает сон.

И, зная, что диагноз подкачал
(В глазу бельмо и много прочей дряни),
Я режу руки битыми краями,
Сползая прочь, в безвременье начал...

Бусина

Зародившись под утро от выкрика птицы дурной,
в белый день соскользну, словно бусина
с лопнувшей низки.

Непокой. Белокрылое солнце летит надо мной,
между клочьями неба рассыпав белёсые брызги.

Нервы слишком внатяг. Нарастая, вибрирует звон.
На вершине тоски пляшут искры блаженного Эльма.
Первый шаг очень долог. Секунды чернее ворон
разлетаются прочь. Время пялит холодные бельма.

Жилы крутит в узлы. Привязался визгливый мотив.
Стрелки тычутся слепо и панику вводят подкожно.
Привыкаю неслышно кричать. Начинаю идти,
в белый свет, как в копеечку,
выдохнув «господибоже»...

Лес. Оттепель

Всё в жизни вроде и не в первый раз,
но вот вдыхаю талый запах леса,
стою, сосновым маковкам молясь;
ветрам-повесам
скормлю с ладоней бледное тепло —
пускай несут остывшему закату.

Мне хочется, чтоб время утекло,
оставив нам пустые циферблаты
и россыпь выцветающих минут —
на память в старой банке от печенья...
Но все часы куда-нибудь идут.
Ничем я
остановить безумцев не могу.

Лишь запахи — хмельной набухшей почвы
и ржавой хвои в тающем снегу,
сырой коры, тугих лиловых почек,
седой травы, волнующей пустырь,
дождя, на ветки ссыпанного мелко... —

лишь запахи дремотны и густы,
в них вязнут стрелки...

Круговорот

Кого вселить в своё безвременье,
чтоб поделить напополам
счета намокшие осенние
за смех и прочий летний хлам?..

Мольбою тащишь солнце на небо:
давай, желтее, чем лимон,
сочись по стенам!.. Но куда ему,
оно похоже на бельмо.

Листаешь дни, то рвёшь, то комкаешь,
под вечер — уф! — нажмёшь на off...
Весну торопишь — стебли тонкие
вплести в ловушку вещей снов.

Глядишь на небо между сосен и,
кружась, идёшь себе ко дну.
Круговорот ржавеет с осени:
рассвет завис — ни тпру, ни ну...

Но век не долгод и не короток.
Истерлись мётлы, вжик да вжик,
и сыплет соль на раны города
от снега выцветший таджик...

Туман

Ты куришь и куришь. Невесело как-то... А зря.
Все правды и смыслы, рождённые осенью, хлипки.
Оставь эту скуку унылым дождям ноября,
Мотающим нервы, как будто обычные нитки.

Давай поживём, не тоскуя по солнечным дням.
Есть некая тайна в нечёткости контурных линий.
Тяжёлое небо, сползая по чёрным ветвям,
Лежит неопытным туманом в просёлочной глине.

Заходишь во мглу — и выходишь из мира живых.
Кричишь, а туман отнимает безумие гласных —
И звуки теряются в стеблях засохшей травы,
Дрожат в паутинах, срываются, падают, гаснут.

Вернёшься на ощупь, сидишь в деревенском тепле
И слушаешь древние песни внутри дымохода...
Умеешь гадать по дождю на оконном стекле?
Смотри — скоро лето, осталось всего-то полгода...

Вьюн

...А там, внутри, где выгоревший смех
присох коростой к бледному живому,
скребётся серой бабочкой в стекло
дыхание, дыхание, ды... ха!

Ты думаешь, что мир один на всех,
падаешь в этот мир, как будто в кому.
А я в ладонях комкаю тепло.
Один на всех... какая чепуха.

Он только мой. С изгибами ветвей,
пускающих побеги мне под кожу.
Их чёрная артритная тоска
пульсирует, вращая в миокард.

Горячий шум намешанных кровей
предаст тебя, медлительный прохожий.
Здесь места нет блаженным чужакам,
червовым королям с краплёных карт.

Опомнится засохшая трава,
а ветер, этим шорохом разбужен,
на тень твою нашепчет... И вода
свинцовой рябью дёрнется у ног.

Сотрут закат ночные жернова,
и ты ко мне... ко мне... скорее, ну же...
потянешься, вращая навсегда
в предсердие податливым вьюном...

Серёжка

Серёжке пять лет.
– Куда ты глядишь, Серёжка?
– Смотри, – говорит, – по небу бегут облака.
Наверно, у них есть в небе такая дорожка...
– Нет, – говорю. – Небо – это река.
Ночью в ней ловит рыбу не дядя Ваня,
а неизвестные дядьки с других планет.
Клюнет у дядьки – и вот он пытит и тянет
толстую рыбу жене своей на обед.
Небо – река. Лишь раз по тропинке лунной
в небо войдёшь. Не звёзды там – поплавки...

Глупый Серёжка смеётся над тёткой глупой.
Смех переливчат, и трели его легки.

Оранжево

Когда с усталых глаз, как паутину,
сотрёшь седой полёт осенних стай,
подпустишь сны, обманчиво застынув,
так близко, что за крылышки хватай;

услышишь снег, скребущийся в окно,
сточивший лунный шар наполовину,
а вспомнишь солнца рыжее пятно
на стеблях выгорающих люпинов, —

найди меня. Свернувшись эмбрионом,
да так, что кожа кажется мала,
я выстыла от жалобы до звона,
я жду тепла.

И прошлого пролившаяся ртуть
дробится, прирастая пустотою.
Ты обними. Мне хочется уснуть,
как полдень засыпает в зверобое, —

оранжево...

Алтари

Жизнь остаётся записью в дневнике —
Если ты вёл дневник, разгильдяй и лодырь.
Жизнь остаётся оттиском на песке.
Лижут песок, на берег вползая, годы
И намывают — только бери, бери! —
Осени ранней тёплые янтари.

Глянешь сквозь них на солнышко, а потом
Слушай кукушку: дурочка врёт неплохо...
Жизнь остаётся между страниц листом —
Красным кленовым или дубовым (охра).
Сами страницы, господи, посмотри —
Чёрные ветки, белые январь.

Что же, ещё поживём, и не год, тьфу-тьфу, —
Ныне и присно и (не вопрос) веки...
Жизнь остаётся курткой в твоём шкафу.
Пара монет в карманах, билеты, чеки.
Чушь, понимаю. Глупость? — не говори.
Мелочи... Мелочи? — Боже мой, алтари...

Не люби

Не люби ты меня, ей-богу.
 Что ты выдумал ерунду?
 Ты люби тишину, дорогу,
 По которой к тебе иду;

Пыльной зелени запах пряный,
 Болтовню (я скучала, что ж,
 Я ж тебя, как небесной манны,
 Дожидалась. И вот – идёшь)...

Иван-чая пожар малинов.
 На пруду не клюёт весь день.
 Порыжел и раскис суглинок
 От заливших июнь дождей.

Влажный вечер. Ты куришь, куришь.
 А я мимо смотрю, горда,
 Чтоб не понял: а мне-то, дуре,
 Без тебя ну совсем беда...

Мятный чай из огромных кружек
 (– Хватит сахара?
 – В самый раз)...
 Ты меня не люби, не нужно.
 Слишком суетно.
 Не для нас.

Кресты

Ишь понатыкано чёрных крестов в земле...
 Думаешь, Боже, твой крест тяжелее был?
 Вот как остались бабы одни в селе,
 так и взвалили небушко на горбы.

Вывернет лемехом землю – бросай зерно.
 Хлеб наш насущный, Господи, даждь нам днесь...
 А принесли похоронку на днях одной –
 ей помереть бы, не хочет ни пить, ни есть.

Счёт не на дни, а на палочки-трудодни.
 От дифтерита дети, как мухи, мрут.
 Господи святой, мы все у тебя одни.
 Благословишь ли, Боже, на адский труд?..

Всех посчитала осень своих цыплят.
 Заступом в землю, а там не земля – базальт.
 Ношу – по силам каждому, говорят.
 А разогнёшься сдуру-то и глаза

к небу подынешь, а там купола пусты.
 Все на погосте, Боже, твои кресты...

Чистый лист

...Осталась только злая чернота.
Она зимой практически всеядна.
И я ползу по памяти обратно
На белый отсвет чистого листа.

Расчерчен он под прописи в косую
Грибным дождём и травами в лугах,
Обрывами на дальних берегах
И ветками, оборванными всеу.

Там всё бело – и майские сады,
И дюны в продуваемой Паланге,
И солнце, утопившееся в Ганге,
И рыбий глаз неведомой беды.

Тянусь, но пеплом лёгкие забиты,
И при рожденье умерли слова,
И крика бессмысленный овал
Неровным «о» катается по плитам...

Лоботомия

Зимою я ложусь в свою постель,
как на холодный стол нейрохирурга.
Луна остыла, звёздные окурки
добила налетевшая метель.

Сейчас начнётся рыжий балаган –
ночник плодит бесформенные тени
предвиденья и прочих привидений...
Ты видишь сны? Ага. Ага-ага...

Осыплешься, как хвоя, пух и прах,
в дремотный чад, закружишься да сгинешь.
На самом дне звонит твой личный Китеж,
играя солнцем в тёплых куполах...

...И выдернет, и вырвет, как сорняк,
швырнёт с размаху в утреннее млеко,
заглянет в глаз, потом отпустит веко
лоботомия будущего дня...

Утаи от меня нелюбовь

Утаи от меня нелюбовь —
 тёмно-красный настой с горечью девясила.
 На Купалу рвала зверобой
 да вербену. Просила:
 дай мне льдистого смеха —
 звонкого, чтобы всплесками...
 На большой луне за далёкими перелесками
 пляшут бабы, топочут неистово,
 в небо тыкают вилами —
 гонят скверну к небесной пристани.
 И меня серебром опоили бы —
 звёздной брагой бы,
 лунной пагубой...
 Да рвала на Купалу мяту,
 просила, как плакала:
 забери пустоту без возврата!
 Пламень маковый
 выгорал, догорал на рассвете —
 стали росы кровавыми.
 Зашептал заповедное ветер
 да понёс между сонными травами.
 Так и слушать тот шёпот от века до века бы...
 А дождусь ли ответа? Спросить мне об этом некого.

Няне

Моей няне Прасковье Тимофеевне Жирновой

Передник в мелких горохах,
 прохлада мягких дряблых рук...
 Ты знаешь, няня, в мире плохо.
 А как у вас?..

Бывает вдруг
 приснишься мне. Седая, с гребнем,
 почти прозрачные глаза.
 Тепло. Чуть-чуть — и вечер медный
 начнёт на окна напозать.
 Притащит крики ребятишек
 и сладкий чад сомлевших трав...

...А за окном всё те же крыши.
 Метель под вечер и с утра...
 И я, скользя по сонной грани,
 касаясь тающих теней,
 ищу, ищу истолкованье
 в сюжетах выбеленных дней,
 в обрывках фраз, плохой погоде...
 Да бог с ней, с этой суетой, —
 не нахожу.

А ты всё ходишь
 ко мне — не маленькой, не той...

Стол да крест

Где дорога знакома парочке «жигулей»,
Где по ступицу рыжий снег и по гроб тоска,
На обочине столик и крест – наливай да пей
И занюхивай синим цветком от щедрот венка.

Жизнь такая нить – нанизал на неё, что смог,
Задышаться начал – рванул да пошёл вразнос,
Закатился бусиной в сырость лесных дорог.
Стол да крест – вот такой персональный тебе погост...

Ты уже причастился вечных миров, а я?
Где я буду, когда над тобой расцветёт репей?
Говорят, многочудно в блаженных твоих краях.
Если там наливают – за нас поднимай и пей.

Любить этот город

Любить этот город – насмешка над словом «любовь».
Ползут эскалаторы, стоптаны тонны гранита.
Я вижу в витринах себя и люблюсь собой:
неясная тень – ни поймать, ни запомнить... размыта.

Когда я отсюда решусь наконец-то удрать,
никто не заметит потери в таком Вавилоне.
Здесь столько за день говорят

«до свиданья» и «драть»...

Чуть больше, чуть меньше... А город
всё тонет и тонет.

И я бы, наверно, его попыталась спасти:
в пробоину задницу, точки-тире по эфиру,
врагу не сдаётся наш гордый... Пойми и прости:
пробоины эти – обычные чёрные дыры.

Он только зимой замерзает, как шхуна во льдах.
Завалится на бок и пялится в лунное око.
Ты веришь, что небо совсем никакой не квадрат?
И птицы не верят. Летят по периметру боком.

Я слепну от сумерек, слепну от рыжих огней.
Я видела сны, но не снится уже ни черта мне.
Давай-ка сегодня пойдём по другой стороне.
Я знаю: витрины воруют мои очертанья...

Когда зацветает донник

Ты думаешь, это славно —
 рассветы вплетать во тьму,
 закаты сшивать, как раны,
 надёжным кетгутом вен?
 Могу я — долой сомненья —
 и снится невесть кому,
 и падать неровной тенью
 в холод облезлых стен.

Я, бледный геккон февральский,
 покину весной астрал,
 от солнечной яркой пляски
 я стану цветастей всех.
 Да только, хоть расшибись я,
 ты в зимах своих пропал,
 где чёрные злые листья
 с карканьем рвутся вверх.

Когда зацветает донник,
 ты зябнешь в своих ветрах.
 Не линии на ладонях,
 а русла застывших рек.
 Там иссинь холодной ночи
 сыпает небесный прах —
 отверстия многоточий
 белым латает снег...

Чёрный стебель

Реальность возвращается во сне.
 Она вьюном на долгом чёрном стебле
 плетёт узор...

Скрипит протяжно пол
 (на выдохе, с тоской: «Не дай уйти-и-и...»)
 Веду рукой по каменной стене.
 Сырой сквозняк насакивает, треплет
 и волосы, и выцветший подол,
 и пыльные лоскутья паутин.

Тускнеет цвет — от медных сентябрей
 до ржавчины невыпитого чая,
 уставшего под утро ночника
 и сепии засушенных цветов.
 Который век сегодня на дворе?
 Календари до срока истончали,
 и даты на оторванных листках
 почти знакомы. Может быть?.. Не то...

Но утро печатает архив —
 метнутся новорожденные тени,
 сургуч слегка оплавится с краёв,
 желтком на город вытечет рассвет...

А кроме снов ну разве что стихи —
 такое же нелепое плетенье
 и пёстрое блажное забытьё,
 и суть, и бред...

Дай прикоснуться

Дай...

Дай к лепесткам прикоснуться губами,
 выбрать, лаская прожилки, хмельную росу –
 стыльную горечь упавшего наземь рассвета.
 В розовых чашечках бледного пустоцвета
 капли хранят белизну облаков-оригами.
 Там, за туманом, на старом скрипучем мосту,
 можно рассматривать небо, упавшее в реку,
 в небе – хребты уходящих на дно голомянок.
 Свет преломляется, плещется, стелется, мягок.
 Ветви деревьев застыли, лелея шорохи.
 Всё отцветает. Дышит, а после всполох – и...
 Эта аллея из альфы уходит в омегу,
 В дар принимая звезды остывающей золото.
 Грани у мира, как старая рюмка, надколоты.
 Тронешь – и пальцы начнут раскрываться порезами...
 Раннего утра стигматы. Холодное пламя.
 Капли летят, распуская бутоны над бездною.
 Дай...
 Дай прикоснуться губами...

Махаон

Здесь до тебя миллионы парсеков тьмы.
 На перекрёстке сотни чужих следов.
 Дождь ухитрился память мою размыть.
 После не помню, только немножко до.

Контур счастья – глупость, кому сказать:
 прямоугольник кухни, квадрат тахты.
 Вечно под окнами птичий базар-вокзал.
 Я лежебока, завтрак готовишь ты.

Имя твоё махаоном слетало с губ,
 бархатной бабочкой, вечно живым цветком...
 Если однажды вспомнить его смогу –
 вырвется криком (боже, зачем? по ком?)

и превратится в белый холодный пар,
 призрак печальный в свете случайных фар...

Пять хрущёвских этажей

Улетают поезда —
Штрихпунктиры окон рыжих.
Я живу с тобой бесстыже,
Ты женат, моя беда.

У платформы старый дом,
Карусели и качели.
Я красотка Боттичелли,
Ты почти что Аполлон.

Кухня два на полтора
И санузел совмещённый.
Ну какие же тут жёны —
Настоящая дыра.

А любовь — такая блажь:
Ей шалаш, она и рада.
И кровать побольше надо,
Чтоб раскачивать шалаш.

Вот уснёшь спокойным сном
После охов-ахов-стонов,
К распоследнему вагону
Прицеплю я старый дом.

Замелькают города
Штрихпунктиром окон рыжих,
Паровоз потащит, пыжась,
Нас неведомо куда.

...Год прошёл. И два уже.
Солнце светит, даль прелестна,
И качаются на рельсах
Пять хрущёвских этажей.

Осеннее. Россыпи

О чём жалеть, кого ругать и клясть?
Всё есть — и солнца свет, и тёплый угол,
И снов моих оранжевая сладость,
И пьяный ветер над цветущим лугом.

А если чую в сердце пустоту,
Тоску и боль — хоть волком вой, да чтоб их! —
На бедность мне, на горе-нищету
Оставит осень яблоки в саду
И эту россыпь золота на тропах.

Шорох зимы

Чёрное. Белое. Лес и поля.
Чёрное кажется. Белое снится.
Мёртвые травы фантомно болят.
Стебель дрожит, как перо самописца.

Это кривая бессолнечных дней,
Ветра февральского пропись больная.
Шорох зимы поселился во мне,
С кардиограммой моей совпадая.

Ах, извините, мы снова на «вы».
Мне не запомнить ни звуки, ни лица.
Всё только сон прошлогодней травы.
Чёрное кажется, белое мнится...

Рунопись

Я слышу шорох песка далеко в пустыне.
Ночь отчего-то слишком тиха для города.
Мне больно. Я чувствую: солнце кипит и стынет,
флаги протуберанцев вздымая гордо.

Это усталость. Она оседает накипью,
облачной пеной на чёрных губах беззвучия.
Я принимаю на веру любые знаки и
чую на коже пальцы слепого случая.

Он щупает скулы, пытается сделать слепок,
лопочет странно, читает меня по Брайлю.
Я слышу, как, отрываясь от чёрных веток,
тени, шурша, на обои мои слетают.

Ложатся неровно, свиваясь, сливаясь, путаясь
с морскими течениями, с гулом в моих артериях...

Это рождается бледного утра рунопись
на острие вечных небесных перьев.

Звезда

Наверно, я схожу с ума,
От монотонности зверя.
Какая долгая зима.
Какие чёрные деревья.

Зажатой рёбрами душе
Тоска в тугом венозном гуле.
Но зреет на небе уже
Моя серебряная пуля.

И ты мою увидишь тьму,
Почуешь привкус «Куба либре»,
Когда в объятия приму
Звезду убойного калибра.

Испарина

...А по утрам она рассказывала сны
о тесных улочках, знакомых еле-еле,
о пыльных двориках, где мыкается сныть
и кукла спит на ржавой карусели;

о силуэте и бесформенном плаще,
шерботой лестнице, ведущей по спирали.
(Во сне бежать не получается вообще,
смешно... – а сердце будто оторвали.)

И хриплым шёпотом, сбиваясь и смеясь
над глупым страхом и отсутствием сюжета,
она плела свою бессмысленную вязь,
цепляя звук за краешки рассвета.

Она спешила всё ему пересказать.
Какая чушь, так никогда не будет с нами!..
А он жалел и целовал её в глаза,
И собирал испарину губами...

И были дни прозрачны и ясны.
А по утрам она рассказывала сны.

Жить – это просто

Жить – это просто. Дорога. Дом.
Тёплые доски пола.
Старая булочная за углом.
В паре кварталов школа.

Няня наварит кислые щи,
Молча глядит куда-то.
– Вот, – говорит, – из всех мужчин
Двое пришло ребят-то...

Тянет из леса дождём и костром.
Ветер качает тополь.
– Мужа-то Мишу – в сорок втором.
Где это – Севастополь?

Пляшет ленивая пыль в лучах.
Время идёт чуть слышно...
– Я иногда зову по ночам:
Ми-и-иша! Ми-и-иша!..

Няня глядит в этот сорок второй,
Плачет. Кивает мелко.
Нам по двенадцать. Сидим с сестрой,
Мучаем щи в тарелках.

Руки у няни в венах-корнях,
Бледных веснушек просо...
Вот бы на озеро на полдня!
Жить – это просто.

Мир

Проснёшься утром и думаешь: мир на месте.
В окне всё то же — берёза, на ней вороны.
Гремят кастрюли на кухне и дождь по жести.
Так было в детстве. А вдруг?.. И таишься сонно.

Разбудит мама:
— Вставайте! На завтрак творог.
Гулять недолго, на улице очень сыро!

Потом вспоминаешь — боже, тебе ж за сорок.
Ещё вспоминаешь — нет никакого мира...

Война

К войне привыкаешь. Где-то идёт война,
А ты просыпаешься, ставишь согреться чайник.
Ты смотришь на мир из собственного окна,
А там на проталине пара собак скучает.

Войну ты включаешь с выпуском новостей.
Она похожа на выдумки Голливуда.
Её можно вместе с кофе подать в постель.
Под неё можно сексом заняться или помыть посуду.

Война утомляет флагами всех мастей,
Дешёвым пафосом безобразных прилюдных истерик.
А чтобы не было бездомных старух и убитых детей,
Выключаешь телик.

Иней

Я видела иней на ветке осины —
холодного утра печальную накипь,
тревожную бледность на облачно-синем...
Зимы уходящей прощальные знаки
беспомощны, жалки, отчаянья полны.
Сегодня ли? Завтра?.. Цепляясь за ветки,
столбы, перекрестья проёмов оконных,
верёвки с бельём на балконе соседки,
зима, одичав, забивается в щели
и сходит с ума от весеннего шума.
Сегодня ли? Завтра?.. Грачи прилетели.
А ей даже рая никто не придумал...

На линии огней

Короче ночь, а день длинней, длинней.
Но жидок свет, рассеян и пуглив.
Я остаюсь на линии огней.

На площади, похожей на залив,
Сквозь редкий дождь сочатся фонари,
И каждый бесконечно одинок.
Сырой асфальт оранжево искрит,
Шипит и тлеет...

Времени исток

Заилилса по осени ещё,
И тёмная озябшая вода,
Заросшая диковинным плющом,
Дрожит, не убегает никуда.

И оттого я больше по утрам
Не вспоминаю, сколько же мне лет,
И между днями — сколотая грань:
Ни тьма, ни сумрак — этот рыжий свет.

И оттого я больше не спешу,
Я остаюсь на линии огней
И ни во что не крашу белый шум
Дождливых дней...

Дикое зелье

Тихо. Водой налившись, темнеют тропы.
Лезет из снега вечный брусничный лист.
Серый небесный купол истёрся, лопнул,
Дымчатой мутью влажно сползает вниз.

Виснет на ветках дождь — ледяное пламя:
Горечь коры, уснувших желаний тьма...
Так захотелось капли собрать губами,
Будто без них от жажды сойду с ума.

Дикое зелье, капля на тёмной хвое...
Птицы раскрутят небо над головой,
Канут в просветы... Капля. На тёмном. Кто я?
Встану, качаясь вместе с сухой травой.

Ветер смешает память мою с туманом.
Мысли зацвиркают глупо, на птичий лад.
...Ты позовёшь, и ветви качнутся странно.
Нет никого... Но я же была. Была?

Господи, крикнешь, где ж тебя черти носят?!
Эхо подхватит крики, рассыплет в прах...
Хочешь меня увидеть? Так пей, не бойся,
Дикое зелье, дождь на лесных ветвях...

Любовь

Подбери меня где-нибудь в городе,
на скамеечке возле липки.
Ничего, что синяк на морде,
не страшуют года от ошибки.

Я ведь тоже была красотка
в девяностые, то ли дело!
Сколько соколов между ходками
на моё покушалось тело.

Дело бабье — состроишь глазки,
глядь — уже прикипел всей кожей.
А мне, знаешь, не жалко ласки.
Вдруг любовь, так чего выёживать?

Не корысти опять же ради,
не каким-то ханыгам с улицы...
А!.. Теперь, при таком параде,
мне обратно в Юргу не сунуться...

Я любви отдавала силы все,
как красотка Джулия Робертс.
Колька точно б на мне женился,
если б спьяну на мне не помер...

Зазвонят по церквям на Спаса,
будет солнце по-бабьи ласково.
Закопай ты меня за насыпью,
где идут поезда с Казанского...

Осень. Набросок

Ещё лакают сполохи зари
 С поникших трав молочные туманы,
 Но день уже и сумрачен, и сед
 И солнце вылупляется на свет
 Печальной птицей, бледной и больной.
 Оно холодным пламенем горит,
 И мнится – жизни не было иной,
 А только морось, сырость и бурьяны –
 Оставленный грозой лесоповал,
 Над лесом птички – галочки-крючочки;
 Прожилки жёлтых листьев, будто строчки,
 Которые никто не прочитал, –
 Бессмысленная тайна бытия;
 Пустых небес облупленные фрески,
 Полынных ветров проседь в перелесках
 И ртутный блеск остывшего ручья...

Шрам. Шёпотом

Белобрюхая рыба моей души,
 беззащитное брюхо своё чеши
 о шипы уснувших в тиши вершин
 и в глуши шуршащие камыши.

Шёпот, шум, в шуге шелестят шаги.
 Что случилось, кто же сюда спешит?
 Шевельнулись нежные плавники –
 всполошилась рыба моей души.

Зашумит шалфей, растревожит ширь.
 Затрещит шафрановый шёлк небес.
 Белобрюхую рыбу моей души
 потрошить решился залётный бес.

Ухватил, летит чешуя, кошмар.
 Только слышно – шлёпает шалый хвост...
 Да опешил что-то – нащупал шрам:
 потрошили рыбу, зашили вкось.

Белобрюхую рыбу подшибли влёт.
 Чешую долой, и ножом ожгло...
 Уж нашёлся фельдшер, щекастый чёрт,
 так заштопал, что полетишь щеглом.

Не шипи теперь, жабры шлёп да шлёп.
 О плешивые рощи чеши, чеши
 безобразные шрамы – разнылась что-т
 потрошёная пустошь моей души...

Сезоны

Время подобно почке
Туго набито жизнью
Горечью лопнет полдень
В мальве завоюет шмель

Лето расставит точки:
Ёжики, клёв... Скажи мне
Видишь в зрачках смородин
Грусть уходящих дней?

* * *

Путаю дни и даты
Ем анальгин и кальций
Холод и дым вдыхаю
Так, что в затылке звон

Время придёт в халате
Белом до хруста пальцев
– Доктор? – Да-да, больная...
Эхо и крик ворон

* * *

Мы пережили зиму
Время считать потери
Время пинцетом дёргать
Новую седину

Время забыть про климакс
Снова любить и верить
В отпуск июль дорогу
Море и тишину

Жёлтый листок

Всё то, чего касались эти пальцы, —
Кора деревьев, травы и цветы,
Страницы книг (чужое счастье вкратце)
И ты;

Всё то, что я впитала сонным взглядом, —
И белизна слоистых облаков,
И перелесков влажный и прохладный
Покой;

Всё то, чем я дышала этим летом, —
И пыль, и ветер, вспенивший лиман,
И тающий от солнечного света
Туман —

Всё подхватил, смешал и спутал к чёрту
Осенних будней вздорный полубог.
И кинул в бездну — как и этот жёлтый
Листок...

Если поздно

Слишком поздно...
Внутри что-то трескало и чадило.
Так, наверно, душа догорает — свеча свечой.
Время маятник мерно качало, как поп кадило,
И хромыми ногами по кругу себе ходило —
Может, просто искало, куда же оно течёт?

Если поздно, то незачем в прошлом искать ответа.
Надо просто уехать. В запасе ещё шесть бед.
Говорят, в том краю, где хоронит зима рассветы,
Есть отличный курорт — побережье прохладной Леты.
Там вода цвета ртути, и в ней отражений нет.

Там всегда одинаково сумрачны ночь и полдень.
Выплываю, дрожа. Ни тебя, ни меня. Абсурд.
Вот и всё. Я свободна. И ты от меня свободен.

...Отчего же тактильная память опять подводит?
И фантомную боль анальгетики не берут...

Рыжий сад

Ты просто торопишь ночи — туда, где день
гоняет машинки по вывертам эстакад.
А мне в полудрёме, моём никуда-нигде,
не нужно ни света, ни истины.

Рыжий сад
меня приютил, и ползут по ногам вьюны,
и пульс нитевидно вплетается в шорох трав.

Ты видишь иначе, ты смотришь другие сны,
в них пляшут красотки, свои подола задрав.
И ты просыпаешься, гладишь моё бедро,
встаёшь и уходишь на кухню — курить, курить...

...Вьюны прорастают в сосуды и тянут кровь,
кишат, извиваются, словно в садке угри.
А мне всё равно. Я вырастаю в пейзажный зной.
Под рёбрами пусто. В глазах колыханье крон.

Быть может, однажды ты спляшешь во сне со мной,
янтарной мулаткой, бесстыдной, как долгий стон.
Зрочки раскалятся, оранжевым пыхнет тьма.
Не гибкое тело тебя обовьёт — лоза...
Быть может... однажды...

Белеют в окне дома,
и рваная дымка бинтует мои глаза...

Коты в мешке

У всех такие важные дела.
Послушаешь — атланты и титаны.
А я всегда придурочной была.
Не то чтоб душой, но довольно странной.

У каждого галактика в башке,
И в ней многозначительны объекты.
А у меня в башке — коты в мешке
И справа за решёткой доктор Лектер.

У всех печаль во взгляде, горечь лет,
Великие мечты, большие планы.
А я — такой сутулый силуэт,
Тяну бычок в сторонке, ёлы-палы.

Мне кажется, что я совсем не там.
Мне надо петь фальшиво в электричках,
Шарахаться от встречного мента
И вкалывать на должности технички.

Собрать всю грязь, какой вокруг полно,
Чтоб жёсть мозолей твёрже, чем медали,
И, «Астрой» выдыхая вам под нос,
Сказать: вы горя в жизни не видали!

Сатори

Скрип снега. Отдалённый лай собак.
Качает ветер тоненькие сосны.
Я знаю, что живу не там, не так.
Да бог с ним.

Тому, что свет мой путает и тьму,
и боль мою затачивает остро,
не важен век, и адрес ни к чему,
и возраст.

Оно скребёт обшивку изнутри,
тревожит память, запертую в генах,
пластует сны до проблеска зари,
как лемех.

— Ты слышишь, — говорит, — вороний гам
на древнем облупившемся соборе?.. —
И шепчет незнакомо по слогам:
— Са-то-ри...

Мой дом

Я прислонюсь к тебе, мой дом.
Я лбом упрусь в кирпич шербатый.
Не ждал меня? Ты знал о том,
Что я исчезну без возврата
На перекрёстках городов,
В чужих домах, мечтах и судьбах.
Оставлю след среди следов,
И через миг его не будет;
А будут горе и печаль —
Начнутся сразу за порогом
С дорогой, что уводит вдаль,
К другим исхоженным дорогам.
И под ногами ты скрипел,
И дверью хлопал с укоризной.
Ты столько скрипами отпел,
Ты столько вычеркнул из жизни.
Жалей о прошлом, не жалей,
А не вернёшь его обратно.
И только горечь тополей
Тебе привычна и понятна...
Немой беспомощный старик,
Ты ни вестей не ждал, ни знаков.
Ты к расставаниям привык,
Ты и меня дождём оплакал
Не раз, не два за столько лет...
Да брось, ну что со мной случится?
Я прислонюсь к тебе. Привет.
Что светишь окнами? Не спится?..

Падает снег

Tombe la neige,
tu ne viendras pas ce soir...*

Salvatore Adamo

Дай мне спрятаться. Это просто.
Ты обнимаешь, я закрываю глаза.
Эти страхи такого роста,
что я вижу их всюду. Они лезут из-под, из-за.
Сделаться крошечной.
Чтобы с рук меня не спускал.
Говорил бы: ну что ты, ну что ты, хороший мой,
что ты, девочка. Целовал у виска,
перебирая волосы,
касясь прохладными пальцами шеи.
Говорил бы: поплачь, не бойся,
я не скажу ни одной душе...
У меня — поверишь, нет ли —
вместо лёгких — пасмурный клок небес.
У моей оболочки спущены петли,
как собаки с цепей...
Ты умеешь лечить абсцесс,
порождённый скоплением серых промозглых дней,
незнакомых лиц с фамильярным прищуром глаз?
У разбросанных мной камней
пуповина оборвалась —
чужаки, велики они, как Стоунхендж...
Дай мне спрятаться, выдохнуть неба холодный жар...
Tombe la neige,
tu ne viendras pas ce soir...

* «Tombe la neige, tu ne viendras pas ce soir...» (франц.) — «Падает снег. Ты не придёшь сегодня вечером...»

**Время, которое без тебя.
Яблочный спас**

Время, которое без тебя,
Гулкое, гулкое — от пустоты.
Стрелки бессонницу застолбят,
Август успеет устать, остыть
И не удержится на плаву
В омуте утренних холодов.
Флоксы осыплются на траву —
Бренные звёзды сырых садов.
Где наше лето? Бежать вдогон?
Господи боже, иже еси...
Гулкое, гулкое... Слышишь — звон?
Благовест... Яблоко надкуси.

В такие ночи снятся поезда

Мой мир покрылся инеем и тьмой,
в нём стало пусто, холодно и тихо.
И зябнет пустоглазая луниха,
беременная будущей луной.

И всё, что было, кажется пустышкой,
дорогой ниоткуда в никуда.
В такие ночи снятся поезда,
вокзалы в двухэтажных городишках,

где намертво застряло века три,
черны старухи и темны иконы,
синеют на верёвках панталоны...
И сон, и тлен, куда ни посмотри.

Протяжно, по-сиротски тянет клирос
в соборе на извиистой реке...
Но в этом пообтрёпанном лубке
тепло из окон не дают навынос.

Его хранят, сплетясь в паучью сеть,
и трещины на старой штукатурке,
и улочки-проулки-переулки,
откуда мне на поезд не успеть...

Не падали звёзды

Напридумала, господи... Будто пройдут дожди,
Вышивая луга изумрудом да бирюзой,
И старуха луна молодую луну родит,
И растреплют ветра золотистые космы зорь.

Отцветёт зверобой, и на Спас подойдут меды.
Не останется в памяти боли да горьких вех.
Станет небо тяжёлым – поспеют его плоды.
И тогда загадаю тебя. Одного. Навек.

Намечтала-то, господи, вот бы кому сказать...
Проглядела в ту ночь да проплакала все глаза.

Но не падали звёзды, цеплялись за облака.
Я кричала: ну что же ты ждёшь, ну давай, лети!
Я поймаю тебя, буду нежно качать в руках.
Здесь светлей и теплей, чем на Млечном твоём пути!..

Но не падали звёзды, цеплялись за облака...

Олл ю нид

Тут, на повороте, – шкаф.
Там, за поворотом, – дверь...
Олл ю нид, как водится, из лав.
Вот брожу по комнатам теперь.

На обоях рыжие цветы.
На окне пророс зелёный лук...
То на пульте кнопочки тык-тык.
То включу, то выключу утюг.

Выдох. Вдох. А между ними вой.
Птицы как застряли в тополях...
Ты хотя бы знаешь, до чего
хочется надраться в пух и прах?

И сплясать на кухонном столе,
перебить посуду, так-растак.
Чтоб фанфары-туш-парад-алле,
чтобы память с чистого листа –

ни теней, ни контуров, ни лиц
в распоследнем обморочном сне,
будто под наркозом мне свели
запах, цвет и вкус прожитых дней.

И среди великой пустоты
ни имён, ни слов – пригоршня букв,
шкаф и дверь. И рыжие цветы.
И лук.

Праздник

Ну, вот и всё. Ушёл последний гость.
В квартире пустота и тишина.
Сейчас совсем не хочется всерьёз
Грустить о том, что жизнь всего одна;

Что где-то там, быть может, наверху
На счётах кто-то щёлкает раз в год
И, у начальства быстро подмахнув,
Сдаёт в архив очередной отчёт.

А что сейчас? Бокалы перемыть.
Сервиз на место праздничный убрать...
А завтра будем просто дальше жить.
И пусть они там щёлкают. Плевать.

Картинки. Морское

Тасуй воспоминания, тасуй —
о том, какая бледная лазурь
натянута на кромку горизонта

и я гоню эвксинские понты —
скачу себе по берегу, а ты
кряхтишь, вздыхаешь, стонешь — босиком-то.

Волна сбегает, камушки шкворчат.
Из пены нарождается причал —
худой телёнок с рыжими ногами.

Июль уже даёт заметный крен.
Ты загорел, ты турок или грек,
а рядом я в такой пастельной гамме.

Тасуй воспоминания, тасуй.
Малина перезрелая в тазу.
Цикорий, голубеющий на склонах.

Рассказывай, как ночь приходит с гор.
И, может, я увижу Капсихор —
ленивый, сонный...

Пусть так

Когда болишь до краешков души,
до самых закоулков дистонии,
и мир до тёмной комнаты ушит
умелыми вселенскими портными,

и не дышать — так просто, так легко,
но крик летит за верхнюю октаву... —
не слушай шёпот серых сквозняков
и плотных штор, раскроенных под саван.

Ещё гудит межрёберный набат,
ещё сойти так хочется с ума, но
уже белеет утренний обрат
спустившихся на улицы туманов.

Из них всплывают бледные дома,
матёрых тополей лоснятся выи,
и старый двор, заиленный лиман,
мелеет, тянет жилы бельевые.

И ты ещё вгрызаешься в кулак,
но утро пробирается сквозь шторы
и тикают часы: пус-тяк, пусть-так...
Жива.
А ночь придёт ещё не скоро...

Это весна, мой ангел

Небо из нервного вызрело в маятно-розовый.
 Это весна, мой ангел, ты можешь выдохнуть.
 Плыть в тёплом воздухе, будто... ленивая рыба, ну.
 Всё, что мы за зиму в нашей вселенной создали, —

всё ерунда, мой ангел, потёмки разума.
 Если метель за окнами — мысли мёртвые.
 Мы по ночам прорастали друг в друга аортами.
 Мы становились наутро такими разными.

Это, наверное, чтобы не сглазить главное.
 Господи боже, да мало ль кругом завистников!
 Знаешь, от страха зимой привыкаешь к мистике,
 чёрным котам, воронам и чаю с травами.

Ты улыбался во сне, это плохо лечится
 феназепамом, текилой, звонком будильника.
 Там, за окном, — прозрачно, звеняще, синенько.
 Это весна, мой ангел, бояться нечего.

Черновики

В системе сбой.
 Найди черновики.
 Ошибка там, в несказанных словах.
 Что было не дописано тобой?
 Шуршанье трав у берега реки?
 Рассказ отца?
 Оттенок чабреца
 в спитом настое прошлых январей?..

И пыль времён, и времени пыльца,
 и цифры на листках календарей —
 всё это чушь, на девственность икон
 бездарно нанесённый кракелюр.
 У памяти — ни дна, ни берегов.

В тебе есть всё — отрывки древних сур,
 вживлённый на века библейский стих,
 варгана плач, гортанный крик жреца,
 скупой ночлег на Шёлковом пути
 и звёзды, переставшие мерцать...

Ты просто вспомни благовеста вкус,
 мятущийся по клеверу в лугах...
 Не твой хуур тревожил весь улус,
 пока во тьму укутан был восток?

...Найди себя в своих черновиках —
 зачёркнутых словах, обрывках строк...

Дождевая вода

Навечно... А впрочем, век короток. Навсегда
во мне поселился вкус дождевой воды.
По-рыбьи чешуйчато, мутно вода-слюда
стекает по стенкам мира, течёт под дых.

И там расцветает бархатный сон-иссоп
и тянется стеблями, жадными до питья,
к небесному дну, где солнечный шар иссох,
а бронзовый жар неземного литья-бытья
гудит...

Я пугаюсь выпуклых глаз дождя.
Ты видел их мир? Все акценты — ни то ни сё.
Они, извиваясь, чутко за мной следят.
Их стылое небо на глади стекла пасёт.

Я прячусь, настроив немерено баррикад.
Есть зонтик и дом, портьеры, в конце концов.
Но капли втекают под кожу века подряд.
Смотри: в них совсем другое моё лицо...

Тоска по февралю

Ты помнишь, как считали дни,
рвались в тепло из зимних будней...
И вдруг — тоска по февралю,
откуда чудилась весна.

...Так будет легче. Прогони
меня в одно из полнолуний,
когда подумаешь: люблю...
Тебя оставив у окна,

я, уходя, не оглянусь:
что не построено — не рухнет.
Миную лестничный пролёт,
пивную банку у стены...

Ты обведёшь в кружок луну
в окне согретой чаем кухни
и станешь пленником её
холодной рыбьей тишины...

Дом на окраине

Построишь мне дом на окраине мира,
где тучи сползают в объятия маков
и солнце, за небо цепляясь настырно,
срывается за полночь в пасть Зодиака?

Мне хочется утром с крыльца полусонно
разглядывать сосны на скальных уступах
и видеть у стен моего Каркассона
рассветной росой окроплённые скупю
несметные полчища горькой полыни,
ленивый туман, утекающий в реку,
и помнить себя в сарафанчике синем —
пока бледный месяц на память не вынет
и сердце, и душу с уменьем аштека...

Построишь мне дом на обочине века?

Забутьё

Мне нужны тишина, полуявь, полусон.
В забытьё беспокойно, шекотно, расплывчато
заливаются сладкого сумрака звон
да неясные звуки далёкого причета...

Тихий шелест воды по седому песку,
выдох ветра, как стон заплутавшего призрака.
А в низине — тумана белёсый лоскут
да трава, на рассвете полёгшая низенько.

На поросшем лишайником влажном стволе
серый промельк... Почудилось? Ящерка словно бы.
Отражаясь в медовой сосновой смоле,
разрастается утро лучами багровыми.

В этом мире я стебель цветка под росой.
И, встречая рассветы земными поклонами,
я отчётливо слышу, как движется сок
в капиллярах моих. И взрываюсь бутонами...

Чужой пейзаж

На свете не много правды,
но радует выбор истин.
Ты веришь чужому взгляду,
чужой своенравной кисти?

Когда из-под жести кровель,
сквозь охру домов, дорогу
проступят уток, основа
(их можно рукой потрогать) —

ты выпукло, каждой нитью
холста, на который вписан,
почувствуешь, что не выйти
за рамки ни вверх, ни вниз, и

ты там, за тяжёлой дверью
придуманной кем-то башни,
из пор прорастают перья,
глаза застывают страшно.

Два мира не равно-вешат.
Твоё зазеркалье вязко.
Уводят ступени лестниц
в кромешную темень красок.

И то, что казалось плоским,
не тронуть уже на сколе.
Ты любишь уродцев Босха?
Ты знаешь, что Врубель болен?..

Вплетайся в канву полотен,
никто ничего не скажет.
Ты просто один из сотен
пропавших в чужом пейзаже.

Весна. Городское

Тепло. И утром, выходя из дома,
я слышу запах прели.

Вот и всё.

Мои морозы снова отбелели,
и пасмурные утра отболели.
Бывает, лишь спросонья принесёт
молочный свет за окнами тревогу.
Замрёшь, равняя пульс...

Да что, ей-богу!

Теперь я долго, месяца четыре,
могу пожить сама с собою в мире,
списав на зимний холод понемногу
свою тоску — с истерикой и без,
и то, что прошлых лет ужасно жалко,
и странные сомнения в тебе,
и на окне засохшую фиалку,
и дневников отчаянную вязь...

По вечерам идти не торопясь
по мягко угасающим проулкам,
смотреть на чуть пробившиеся листья
и чувствовать себя почти туристом —
таким блаженно-пафосным придурком;
смотреть на окна разных кабачков,
с тобой держаться за руки молчком —
надолго, навсегда и даже впрок.

Зайти по пиву в рыжее нутро
пустого припозднившегося бара,
и пусть все видят — мы такая пара!
Ходить, ходить — да что там! — до рассвета,
истратить всё, остаться на мели...

А яблони ещё не зацвели,
и впереди у нас так много лета...

Чёрно-белое

Падает, падает в темноту...
Чёрное небо. Снега белы.
Будто зима провела черту
И отделила меня от мглы.

Будто, почуяв мою тоску
(Ведь без тебя мне совсем никак),
Шьёт покрывало — лоскут, лоскут...
Выбелить хочет кромешный мрак.

Мне бы с ветрами сейчас повыть,
Мне бы с деревьями стыть во сне,
Мне бы до первой дожить травы.
Чёрное. Белое. Небо. Снег...

Ни следа

От меня — ни следа, ни полслова, ни камня на камне.
Только горсточку кварков швырну я
на солнечный ветер...
Видишь каплю дождя — отчего же она так близка мне?
Я вернусь этой каплей, по стеблю сползу на рассвете.

И цветок, ожидавший меня терпеливо и жадно
На глухом пустыре посреди векового бурьяна,
Захмелеет, потянется, нежно вбирая прохладу,
Побратимом восхода раскроется, вспыхнет багряно.

Вместе с ним лупоглазо на мир любоваться я буду...
Я и всё — и ничто. Я нигде. Я всегда и повсюду.

Межсезонье

Непогода, а хочется выйти под мелкий дождь.
Обмывал он деревья, да ожили. Умывает.
Осень селится в рёбрах — полгода её не трожь.
Я всё помнила мёртвую воду, а тут живая.

Межсезонье, угрюмое время, дурные сны.
Просыпаешься за полночь, ветер гоняет тени.
И синюшный овал похудевшей на треть луны
ухитряется влезть в суматоху моих видений.

Непогода. Под вечер меж пасмурных облаков
самолёт оставляет намёк на возможность лета.
Но не верится. Август до чёртиков далеко.
Забываешь, бросаешься даты сверять в билетах.

Солнце мёдом из трещины в старом худом горшке
по утрам вытекает и скупое, и сладко в небо.
Птицам тоже бы к югу, тут холодно, не Ташкент,
но деревья их ловят в свой чёрный корявый невод...

Морок

Мне бы бабочкой, одуваным пухом...
Потому что ноги не носят больше.
Мне лететь бы к рыжим огаркам кухонь,
там тепло, а боль... я не чую боль же.

Мне уже не снится ни храм на речке,
ни цветок речной на бездонном стебле,
ни полночный грохот составов встречных...
Только скрип дверей на занудных петлях.

А проснусь — и долго лежу ненужной.
И сама не знаю — мертва, жива я?
Ночь вселилась в стаю ворон и кружит,
всё плотнее солнце в кольцо сжимая.

...Оседает сумрак зелёным илом.
Фонари спросонья бледны и мутны.
Дай мне, Боже, веры, любви и силы
не кричать во сне, не бояться утра.

Тихо, тихо, тс-с-с

Пыталась день выпутывать из сна.
 Стволы осин копили очертанья —
 и вдруг взрывались стаяй чёрных птиц.
 Они летели вверх, а я — до дна,
 обратно, в сон, в крошечный прочерк тайны.
 И снова было тихо, тихо, тс-с-с...

Потом в меня опять сочился звук.
 Как белые нервические пальцы,
 переплетался с этой тишиной.
 Пейзаж тускнел, ссыхался, как урюк,
 и я ростком пыталась пробиваться
 наверх, на свет, всё выше, выше, но

пшено секунд клевали воробьи,
 столпившись на чугунной крышке люка —
 над головой дробилось тук-тук-тук.
 Во сне я руки помнила твои,
 вернусь — и снова будет скука, скука...
 А сны умеют прошлое баюкать.
 Ты знаешь, как блаженно гаснет звук?..

Двадцать восьмой

Двадцать восьмой, последний, на бруствер упал.
 Сколько бы ни было засланных в мир мессий,
 Не оправдание гибели их судьба.
 Ты же, родившись, не пули под дых просил.

Жизнь по спирали. Ты выучил свой урок?
 Тесно сжимают пружины стальной бока.
 Пусть ты однажды и сделаешь всё, что мог, —
 Как ты войдёшь туда, где была река?

Нет. В перепаханных хлябях родных полей
 Ляжешь соломинкой в грязь — и таись, таись...
 Всё, что получишь, по силе дадут твоей,
 А не осилил — так вон же синее высь!..

Пуля — тире. И точка. На шее крест.
 А по губам муравей поползёт, дурак.
 Небо большое, там много свободных мест.
 Верую. Сдохните, твари.
 Последний шаг.

Цветы

Когда пройдёт больная полоса,
я стану видеть цвет и слышать запах.
Мой скучный мир в немислимых заплатах
раздуется, как в бурю паруса,

и затрещит панически по швам,
и лопнет так, что ближние оглохнут.
И ввалится в седую скуку комнат
цветущий хаос яблонь — нате вам!

Холодный жар зелёного огня,
цветы белые, и розовые, и душистые.
Я не люблю оборочки и рюши,
но им какое дело до меня?!

И кончится беспомыслие моё,
где не было ни имени, ни тени.
...И я тогда в ближайший понедельник
открою шкаф и выкину старьё.

Дом, который построила я

Мне некуда, в общем, спешить в этом мире.
Он мной нарисован на стенах хрущёвки,
на старых цветастых обоях в квартире,
на листике в клетку и где-то ещё там.

Я всё, что имею, себе намечтала —
спросонья, в метро, на каком-то вокзале
(я даже не знаю такого вокзала,
где б люди вообще ни о чём не мечтали).

Я строила флигели, домики, замки,
учила мелодии лестничных скрипов,
входила в пике, выходила за рамки,
любила тебя до бесстыдного хрипа...

На струнах вселенной играет восток, но
не всякое утро мудрее, чем вечер.
Рассыплются замки, и краски поблёкнут...
Но всё преходяще, а музыка вечна —

и старых качелей напротив подъезда,
и рыжих трамваев, бегущих нетрезво...
А может, и песня моя не допета
в одном из миров Эверетта...

Серёге*Черскову*

Мы начали точно с виски,
а дальше я помню смутно.
Укушались, видно, вдрызг и
читали стихи под утро.

Ты всё про блаженных пьяниц,
которым до звёзд рукою,
а я про любовный глянец,
но чтоб пополам с тоскою.

Трепал поднебесью гриву
тугой леденящий воздух.
Пора нам с тобой за пивом,
похмелье — такая проза.

Ну что ты идёшь, ей-богу,
так медленно, чёрт патлатый?!
Давай веселей, Серёга,
ведь мы же с тобой крылаты!

Амбулаторно

Уплывают на запад со скоростью в пару узлов
Анемичные тучи, тоски накутившись взятяг.
В перепутанных ветках деревьев беспомощно, зло
Трепыхается солнце, как бледная рыба в сетях.

Я боюсь до беспамятства каждого шага зимы —
И желаю её, извращённо предчувствуя боль.
Чем мучительней гибнет бывшее в объятиях тьмы,
Тем томительно-сладостней вновь становится собой.

...Я смотрю за окно, и зима, заползая в меня,
Голубые прожилки вплетает в узоры свои
И, врачебную тайну под белым халатом храня,
Разливает под кожей спасительный лидокаин...

Мой поезд

Мой поезд не ушёл.
Гудит он там, вдали.
Прожектор в клочья рвёт
Кромешной тьмы завесу.
Я жду. В руках билет
На самый край земли.
И, может, у окна
Достанется мне место.
Там, на краю земли,
Ждёт парусник меня.
Стоит на рейде он,
И бриз полощет флаги.
Когда взойду на борт,
Поднимут якоря,
А там... Да ладно! Мне
Не занимать отваги...
Я на платформе жду.
Безлюдно. Ни огня.
Вот слышу – провода
Запели грустно-грустно.
Но расписание врёт.
Ему не до меня.
И поезд пролетел,
В лицо швыряя мусор.
Попутные ветра
Мой парусник зовут.
На лавочке сажу
В другом конце планеты.
Мой поезд не ушёл.
Прибудет как-нибудь.
Но пустят ли меня
С просроченным билетом?..

Обочина

Я искала тебя. Мне казалось, найдётся потеря.
Я же знала: ты есть. А дожждаться – да ну, пустяки.
Я входила в подъезды, скрипели ворчливые двери,
Верещали испуганно в полночь дверные звонки...

Я искала везде. За ветрами неслась заполошно.
Задыхалась предчувствием, видела вещие сны.
И приметы счастливые я собирала по крошкам,
Потому что для счастья они, безусловно, нужны.

Только что-то напутали, видно, уставшие боги.
В календарь заглянули: не в нынешней жизни, ах да!..
Я осталась цветком на обочине дальней дороги,
По которой тебе не пройти никогда.
Никогда...

Напомни мне, какой сегодня год

Напомни мне, какой сегодня год...
Вовсю цветут на вырубке фиалки,
и красноватым стеблям иван-чая
так хочется поближе к облакам.

Всё то, всё так на сотню лет вперёд.
Уже давным-давно последний сталкер
на пенсии безвылазно скучает,
играя в подкидного дурака.

И мне сдают одно из года в год:
пиковой масти зимние сезоны,
когда душа висит на волоске;
кресты иных родительских суббот,
осенних храмов, старых рам оконных
и птичьих лап цепочкой на песке.
А изредка — недолго, долгожданно
(но эти дни особенно грустны) —
червовый цвет предчувствия весны
и бубны летних месяцев-шаманов.

И я, бывает, выйду на балкон,
смотрю на зацветающие вишни —
и помню все на память лепестки.
В церквях стою подолгу у икон,
всё кажется надуманным и лишним,
и хочется, чтоб ласточки под крышей,
дорога, пруд, скрипучие мостки...

Побыть одной, побыть самой собою
и перебрать, как чётки, каждый миг.
Но только Бог, наверно, так велик,
что чуда одиночества достоин...

Просека

Над просекой туман. По глинозёму,
как пролежни, раскисли колеи.
Глухая тишь. Беспмятная кома.
Я на ходу впадаю в полудрёму.
Остановлюсь — в расту в покой земли
и пропаду до призрачной поры
паденья лун и буйства метеоров,
вдыхая приворотные пары
лесных полян, косматых и сырых,
сквозь жадно приоткрывшиеся поры...

Река. Лето

Пахнет рекой. В погребке стынет пиво.
Вялится рыба — чисто янтарь на солнце.
У тростника стебли не стебли — гривы,
словно табун по берегам пасётся.

Ляжешь в тенёк. Только моторки слышно.
Редко гудок даст теплоход-скиталец.
Сквозь решето тесной листвы и вишен
щуришься в небо, будто какой китаец.

Там — ничего. Облако. Хищник кружит.
Ветер как будто спит и во сне вздыхает.
Все рыбаки ловят леща на ужин.
Щучку поймают — будет ещё уха им.

Камешки-блинчики прыгали — кто же больше?
Дни бесконечны, сонны, ленивы, жарки...
Что ты молчишь? Помнишь слова? Спой же.
Про пароход белый-беленький, ёлки-палки.

К чёрту послав и дела, и года, и город,
жили мы тут — Волга, песок и лето,
ласточки, чайки, яблоки-помидоры.
А доживать все разбрелись по свету...

Шалово

Горечь дождей на губах

Горечь дождей на губах.
Хочется чая с мятой.
Не удержать ни дня,
время их рвёт из рук.

Вот уже города
золотом листопада
вышиты, и меня
птицы зовут на юг.

Может быть, стоит мне
к птицам прибиться в стаю.
И не смотреть назад,
просто лететь, лететь.

Только в любой стране —
я это точно знаю —
будет мой снегопад,
будет моя метель.

Горечь дождей на губах.
Прячет туман закаты.
Листьев озябших дрожь.
Астры цветут в саду.

Хочется жить всегда.
Хочется чая с мятой
и, несмотря на дождь,
видеть свою звезду.

Что б ни случилось, всё ж
верить в свою звезду...

Чудесно!

Раздулись лужи, в очках диоптрии будто.
Почки — весёлая ряска на сером воздухе.
Снова с тобой я встречаю сырое утро
И пью это утро всё так же — взахлеб, без просыха.

Но если моё октановое число
Не выдержит степени сжатия в твоих объятиях,
Я самовоспламенюсь этой огнеупорной весной.
Ты любишь меня? Чудесно. И я тебя!

Когда уйдёшь

Когда уйдёшь, останутся следы.
Их слижет ветер языком шершавым.
Примятые поднимутся цветы.
Зашелестят встревоженные травы.

Наступит день. Его сожжёт закат,
И искры звёзд рассыплются до края.
И зашумит ветвями старый сад,
И серебро на листьях заиграет.

А на заре, не чувствуя вины,
Сверкнут луга огнями зверобоя...
И только сны останутся верны
И улетят с ветрами за тобою.

Чёрный сок

Полупьяной, безумной случилась у нас весна.
Допивали вино прошлогоднее – чёрный сок.
Ты до этой поры ничего обо мне не знал,
Думал – просто мерещится шёпот речных осок,

И звенит серебро на запястьях, не лёд в ручьях.
Думал, будто от света луны я кажусь седой
И кукушкины слёзы – трава, стебелёк худой.
А потом ты однажды как будто напился пьян,
Оттого и услышал, что я говорю с водой.

Ты решил, будто жить нам с тобой до скончанья лет,
А во мне нелюдское, чужое горит, болит.
Так хотелось, когда осыпался вишнёвый цвет,
Выйти из дому, с ветром взлететь да пропасть вдали.

Если что меня держит, так только другая, та,
Для которой ты демон, титан, полубог, асур.
Рядом с нею и солнце не солнце, а так, пятак,
И в анамнезе нет у неё лягушачьих шкур...

Ты до этой поры ничего обо мне не знал.
И сейчас позабудешь... забудешь... всё только сон...
Полупьяной, безумной случилась у нас весна.
Допивали вино прошлогоднее – чёрный сок.

Ах, какую была наша ночь!

Ах, какую была наша ночь! Брызги звёзд на лиловом.
Тени шарили, словно слепцы, по твоим простыням,
И, бледнея, луна с любопытством своим нездоровым
Тонкой белой рукою касалась тебя и меня.

Ветер бился к нам в окна и рвал паруса занавесок,
Ледяной пятернёй проводил он по влажной спине.
Мне мерещилось: лики с давно облупившихся фресок
Проступают в рисунке обоев на тёмной стене.

Ах, какую была эта ночь! Сколько плавных изгибов,
Сколько ломаных линий углём рисовала она...
Вырываясь во тьму, звуки бились о стены и гибли.
И пушистыми хлопьями падала вниз тишина.

А когда заглянул к нам рассвет глазом
сонным и мутным,
Ночь рисунки свои отняла у тебя и меня.
Но какие же сны разноцветные снились мне утром!
Брызги красок на светлом холсте наступившего дня...

Вселенная, я твой случайный гость

Вселенная, я твой случайный гость.
По галактическим светящимся спиралям
Стекаю каплями тобой пролитых слёз,
Что звёздами далёкими мерцали.
В тех лабиринтах стынет гулкий мрак.
Безумный плач — и снова станет тихо.
И Вечность надевает чёрный фрак,
Чтоб проводить желающих на выход.
Я не хочу. Мне с ней не по пути,
Я прячу за спину вспотевшие ладони.
Меня во тьме на ошупь не найти.
Ну, может быть, потом, но не сегодня.
О звёзды исцарапана душа.
Мне не сбежать. Обрато не вернуться...
Вселенная. Большой хрустальный шар
В ладонях чернокнижника-безумца.

Просто девочка-ночь

...Просто девочка-ночь. На стекле запотевшем узор
тонким пальцем она выводила, мурлыкая песню.
Синий дым сигарет. И какой-то хмельной разговор,
о котором с утра и не вспомнишь, хоть тресни.

Что-то важное. Было. А может, приснилось потом,
после нежного топота пальцев, бегущих по коже.
И досада: а ведь говорили совсем не о том.
А о том никогда не услышать, похоже.

...Просто девочка-день. По стеклу разбежался узор.
В каплях спрятался мир. Непонятный
набор траекторий.
Пожалеть? Не жалеть? Априори проигранный спор.
Просто ночь. Просто день. Просто хлопнула
дверь в коридоре.

Я ангел

Я ангел с душою демона,
Я птица с глазами женскими.
Я странной мечтой беременна,
Такой же, как прежде, дерзкою.

Меня ты молил, слышала,
О сказочном наслаждении –
Любви, что даётся свыше вам,
Любви, что бессмертней времени?

Ах, как ты просил!.. Ну, ладно же.
Мне солнце с луной наскучили.
Пусть крылья белее ландыша,
Но зябко одной за тучами.

Ты слышал, как крылья хлопали?
Сегодня я их сбросила.
Пойду я к тебе по полю,
Пойду по стерне, босая.

Смотри же: я всё исправила.
Бери, что тебе обещано:
Была я твоим ангелом,
Теперь я твоя женщина.

Никто на земле не нужен нам.
Я рядом, ты обними меня!..
Ну, что же грустишь ты, суженый,
И смотришь на небо синее?..

Моё время

Я в прошлом не жалею ни о чём
И время не считаю палачом.

Пластический хирург моей души,
Оно не отстаёт и не спешит.

Своей работе напевает в такт
Весёлое «тик-так, тик-так, тик-так».

Шагает колченогое оно
По циферблату моему давно.

И чтоб быстрее рассчитать в конце,
Зарубки оставляет на лице.

Прочтёт однажды клинопись свою —
Столкнёт, само оставшись на краю.

И, улета в беспросветный мрак,
Услышу я: тик-так, тик-так, тик-так!

Охотник на ведьм

Ветер глодает дома, как собака — кость.
Привкус во рту алюминия, дыма, пепла.
Гладишь траву, но царапает пальцы ость.
Трогаешь ночь — под ладонью текстура крепа.

Выпей дождя из заброшенной колеи.
Чувствуешь ржавую горечь еловой хвои?
Прошлые жизни в единую сеть сплелись.
Кто ты? Зажмурься. Малиновый цвет у боли.

Этот рыбак, что тебя загоняет в сеть,
виды имеет на душу твою, не так ли?
Он распоследний охотник на рыжих ведьм,
и от него не спасают твои пентакли.

Так что давай-ка вдыхай этот дикий мир,
снова сшивая в пейзаж лоскуты и ключья...
Ты воскресаешь из мрака и снов. Аминь.
Ты повторяешь покорное «Авва, Отче».

Первые дожди

Ах, первые нахальные дожди...
Прибита пыль, в прохладе шарят ветки.
Мой город, словно старый кроссвордист,
В меня до самой распоследней клетки
Вписал вот эти мокрые дворы,
В которых травы буйны с перепоя,
Подъездов гул, ночей тартарары,
Неведомую флору на обоях...

Я вся твоя. Придумывай маршрут,
В котором всё мне станет параллельно —
И сонный мир, где верят-любят-ждут,
И прошлое в разводах акварельных...

Но город тих. Он выпил и устал,
И ждёт, когда, уняв его зевоту,
Откроет ночь таинственный портал,
В который овцы ринутся без счёта...

Шёпот

Небо тучами спелёнуто.
В горле горечи першат.
Кто-то шастает по комнатам,
То вздыхая, то шурша.

Лбом уткнувшись в стекло холодное,
Вперюсь в ночь — хоть глаз коли.
От тебя уже свободна я
Для бессмысленных молитв.

И шепчу я что ни попадя,
Чтоб тобой переболеть.
Приговариваю: «Господи», —
И рисую на стекле.

Уползают капли в прошлое.
Тихо шаркают часы.
Перевесило хорошее,
Да поломаны весы.

Лунный серп по небу чёрному
Полоснул. Кровит рассвет.
И от шёпота никчёмного
На стекле туманный след...

Ты мешаешь мне жить

Ты мешаешь мне жить. Ты мешаешь мне думать.
Я порву эту цепь и сбегу в никуда.
Неудачный расклад. Перевернуты руны.
Это значит, опять я останусь одна.

Я останусь одна, перечёркнута ветром,
И наотмашь дожди будут бить по лицу.
Я отправлюсь бродягой по белому свету,
На ходу из цветов выбивая пыльцу.

Я найду своё лето на севере где-то.
Яркой вспышкой метнётся брусничный рассвет.
И останется сон мой на ягеле этом,
Потому что с собой даже спальника нет.

Все песчаные отмели будут моими.
И запахнет костром, и застелется дым.
И тогда на песке напишу твоё имя,
Если только оно будет правда твоим.

Рыжая девочка

Прозрачными пальцами тронув струну горизонта,
Коснувшись ладошкой шерботой древесной коры,
Выходит, прохладой звеня, из небесного грота
Лохматая девочка, рыжая фея зари.

Щекочет ей голые пятки трава луговая,
И звон колокольчиков так бестревожен и тих...
Девчонка, промокнув, туманный подол отжимает —
И брызгами света роса, полыхая, летит.

Откликнется девочке эхо, затихшее на ночь,
Река забормочет о том, что видала во сне.
Не слушая, девочка скажет: «Да-да, это странно», —
Погладив рассеянно берег по влажной спине.

А после, схватившись за луч восходящего солнца,
Взлетит и исчезнет вихрастая девочка та.
Но мне-то известно — она непременно вернётся:
Ей нравится бабочкой спать у меня на цветах...

Ну прости ты меня

Ну прости ты меня. Я, быть может, вернусь.
Просто боль моя стала какой-то огромной.
Помаша мне в окно. Я тебе улыбнусь.
Я мосты не сожгла. Просто вышла из дома.

Просто надо уйти. Потому что — пора.
Потому что меня не осталось на свете.
Я себя обменяла в далёком вчера
На любовь и надежду — на глупости эти.

Обменяла себя и осталась ни с чем.
Что дадут за остатки ненужного хлама?
За любовь ничего не получишь взамен,
А надежда — другое названье обмана...

Ну, прости ты меня! Я, быть может, вернусь.
Я мосты не сожгла, просто вышла из дома.
Я весенней капелью к тебе постучусь.
Я улыбкой мелькну на лице незнакомом...

Тень от тени

Шаманский бубен гудел негромко.
Тугие капли созревших звуков
срывались гулко, и камнеломкой
рвалась наружу немая мука.

Из каждой клетки — из клетки тела
она пускала свои побеги.
Она не знала, чего хотела,
она забыла ветра Онеги.

А те качали святые сейды,
лизали раны, ревели в скалах...
Цвели фантомы закатов медных,
зрачки сжигая до углей алых.

Встречала память гортанным криком,
тащила в древность по перекатам,
и ты качалась на грубых стыках...
По капле звука на каждый атом —

и дикой песне покорно тело.
Рисунок неба измят и скомкан,
но ты послушна. Ты тень от тени...
Шаманский бубен гудит негромко.

Цветок

Мне не стать для тебя единственной на земле —
 За твоими плечами маячит целая жизнь.
 Я уеду туда, где полчища кораблей
 Из-за моря привозят фрукты и миражи.

Я куплю задарма у старого моряка,
 Сторговав за три пива в плохоньком кабаке,
 Пару скверных баек, в которых любовь горька,
 Как незрелый цитрус в тропическом далеке.

Расскажи мне, плут, завираясь в припадке чувств,
 Что моя печаль — просто мусор у серых скал.
 (— До чего же, девочка, редкая блажь и чушь!
 Ты смешную рябь приняла за девятый вал!)

Ну давай же, давай, не жадничай, расскажи
 О наколке, которую — выл, а всё-таки свёл,
 О сырых канатах, что вместо душевных жил,
 О слезах, что не выплакать — больно крутой посол...

Всё ты врёшь! Как и я, ты с красным цветком внутри.
 Лепестки его режут — что там твои ножи...
 Я хотела единственной быть, но, чёрт дери,
 У него за спиной маячит целая жизнь!..

— Быть кому-то единственной... нет ничего больней.
 Ишь ты, дура какая, — мне подмигнёт старик.
 ...Я уеду в далёкий порт, где полно кораблей,
 Где скрежещут снасти и ветер сжирает крик...

Сумрак

Мне скостят грехи не за давностью зим и лет,
 А за то, что крылья мои и во тьме легки...
 Я люблю бессильный и зябкий декабрьский свет
 И вороний профиль рассветной моей тоски.

Это сладко — плакать от скрипа родных дверей,
 Узнавая в жалобе свой полуночный всхлип,
 И брести впотьмах гололёдом пустых аллей,
 Где черны кораллы заборов и голых лип.

...Надломился в оттепель серый корявый наст.
 Настоялся воздух на травах — запоем пей.
 Янтарями полдень налился в Медовый Спас,
 Да слетели листья в речную свою купель.

Я была распутной, распушенной и лихой.
 Припухали губы — куда же ещё пьяней?..
 Но пришёл ко мне отпущением всех грехов
 Бесконечный сумрак томительных зимних дней...

Я могу представить

Я могу представить
Себя с другим лицом,
Раскосой азиаткой,
Живущей в Катравоже,
Где северного лета
Короткое кинцо
На лето ну совсем
Ни капли не похоже.

Я могу представить,
Какая благодать —
На ягеле лежать,
Срывая голубику.
И синими губами
Тебя поцеловать.
И радоваться, что
Ты первобытно дикий.

Я могу представить,
Как бешено кипит
И пенится река,
Ругаясь на шиверы.
Замшелых валунов
Мохнатый малахит —
Языческий алтарь
Моей раскосой веры.

Я могу представить
Гирлянды сизых игл
На ветках у сосны,
Янтарной на закате.
Но поезд мой уже
К платформе подкатил
И на работе дел
По горло. Как некстати...

Прощай-прости

Иду, иду. Сойду на нет.
Вдали исчезнет силуэт.
Засыплет листьями мой след.
Гасите свет.

Пришла одна. Ушла одна.
Душа мне больше не нужна.
Пускай летит себе она,
Раз не грешна.

А мне – покой. Упасть. Уснуть.
Я оболочка, а не суть.
Я и жила-то как-нибудь.
Мне не вспорхнуть.

Да нам вообще не по пути.
Давай, душа, в свой рай лети.
А мне цветком в полях цвести.
Прощай. Прости.

Встреча из прошлого

Встреча из прошлого. Старой тетради страница.
Всё непогодится. В парке стоим под зонтом.
Реплика. Пауза... Зябко. Пора расходиться.
– Помнишь те розы? Я их засушила потом...

Нити дождя разрывает взбесившийся ветер.
Август, забытый, неспетый, оборван струной.
Нет ничего ни грустней, ни печальней на свете
Листьев осенних, на пляж принесённых волной.

Устала

Я устала. Замучили будни.
 Столько дел — просто некогда жить.
 Что же быт этот, круглый, как бубен,
 Ни на миг не закончит бубнить?

Мне б сбежать от него без боязни,
 Чтоб, пронзительной трелью звеня,
 По будильнику в шесть утро казни
 Начиналось, но не для меня.

Я б в мирах параллельных летала,
 Я б меняла портал на портал,
 Мотыльком по астралу порхала,
 Как в астрале никто не порхал;

Над лужайкою ярко-зелёной
 Я б висела себе в гамаке,
 Чтобы рядом — мужчина влюблённый,
 Чтобы пиво стояло в теньке...

Я устала. Встаю очень рано.
 Дни мелькают, как титры в кино.
 А судьба диковатым шаманом
 Лупит в бубен — и ей всё равно.

Вон та дорога, видишь?

Вон та дорога, видишь?
 Она могла быть нашей.
 Там, далеко, на крыше
 От ветра флюгер пляшет.
 Подсолнух в огороде
 Башкой вращает жёлтой.
 Там модное не в моде,
 А всё, что было, — к чёрту!
 Там узкая тропинка
 К реке, по речке — с бреднем.
 Луны там половинка.
 Тепло. Плюс тридцать в среднем.
 Там в чай чабрец заварен,
 Немножко зверобоя.
 Там время разбазарить
 Могли бы мы с тобою
 С полудня до полночи,
 С полуночи до полдня,
 А если вдруг захочешь —
 Весь день проспай сегодня.
 На травке и в шезлонге,
 На солнце и в тенёчке,
 То рядом, то в сторонке,
 И пива чтобы — бочка!..
 А у тебя, ей-богу,
 Семь пятниц на неделе.
 Вон, видишь ту дорогу?
 Ну что ты, в самом деле?..

Несётся в небе вороных табун

Несётся в небе вороных табун.
Цыганка-ночь бренчит монистом звёздным.
Теней изломы — знаки древних рун.
Ты погадай мне, ночь, пока не поздно.

Ты в ступе растолки кусок луны,
Добавь росу, рождённую туманом.
И, выпив зелье, я увижу сны,
В них будет жизнь неведомой и странной.

И я шагну — сомнения долой! —
Из яви в навь. Пустите, больше сил нет!
Там боль стечёт расплавленной смолой.
Зелёный мох янтарь в ладони примет.

Моей тоски унылый лабиринт
Тропою шустрой меж корней метнётся.
Там дом. И стол давно уже накрыт.
Клубникой пахнет. В окнах пляшет солнце.

А на крыльце нагретом дремлет пёс,
Прикрыв глаза нечёсаной лапой...
Я плохо вижу — может быть, от слёз,
Там, наяву, не пролитых когда-то?..

Светает. Утро льётся молоком.
Туман редет, в травы оседая.
Взмахнул рассвет оранжевым платком.
Мне нагадала ночь, а что — не знаю...

Пилигримы

Воздух к ночи остыл. Заостряются листья.
Запекаются чёрными сгустками тени.
Я гадаю на бледном моём аметисте —
Лепестках принесённой тобою сирени.

Мы с тобой не давали нелепых обетов.
Нас венчали клубы сигаретного дыма.
Пили ночи запоем. Цедили рассветы...
Развращенцы и вольной любви пилигримы.

Ты устал и ушёл, мой загадочный Будда.
Навалилось полуночной тьмой заоконье.
Убрала со стола. Перемыла посуду...
Ну подвинься, ты слышишь? Бессовестный соня.

Остров

Мы на лодке. Тянут ивы
Руки тонкие вослед.
Я красива, ты красивый,
Никого на свете нет,

Кроме юрких водомерок
И хвостами бьющих рыб.
Вёсла всхлипывают нервно,
Раздаётся тихий скрип.

У кувшинок листья-блюдца.
...На тебя смотрю тайком.
Кожи матовой коснуться,
Провести по ней рукой,

А потом собрать губами
Брызги — солоно чуть-чуть...
Жаркий ветер лёг на слани
Между нами отдохнуть.

Волны золотом расшиты,
Солнце смотано в клубок.
Подожди ты, не спеши ты...
Лодка врезалась в песок.

Мы с тобою робинзоны,
Дикари и дураки.
Эрогенна эта зона —
Островок среди реки...

Бутон

В неверном свете тающих свечей —
Движение теней. Раскрыт бутон соблазна,
И лепестки его острее иных мечей.
Всё чаще пульс и сладостнее спазмы.
И кровь уже не кровь — бурлящий грог.
В других мирах потеряны истоки
Неверия, сомнений и тревог...
Я — порожденье огненного Локи,
И заклинаний приворотный яд,
Рождённый шёпотом и утверждённый стоном —
Мольбой к твоим глазам — намоленным иконам, —
И сладок, и мучителен, и свят.

Письмо из Луганска. 3 августа 2014

Это война не моя, не твоя, не наша.
Мы не мечтали об ужасе этих взрывов.
Хочется выжить, но жить стало очень страшно.
Некуда спрятаться тем, кто пока что живы.

В мамином доме соседку тётъ Галю, снизу,
Взрывом убило. И знаешь, ведь третьи сутки,
Как ни прошу я, не едет никто на вызов.
Так и лежит тётя Галя, раскинув руки.

Эта война, если честно, куда ужасней
Всех новостей, пересудов, вранья и споров.
Бьют миномёты, и свет то и дело гаснет.
Хлеба уже третий день не привозят в город.

Наши, не наши... От всех достаётся много.
Мы ж тут не люди, а так, в кегельбане кегли.
Ведь у войны — ну какая мораль, ей-богу?
Кто не ограбил — уже лучший друг тебе, блин.

В общем, вот так вот. И мерзко, и очень скверно.

* * *

Больше не пишет. Убили его, наверно.

Сквозняки

У птиц везде построено жильё,
а я слоняюсь дурой неприкаянной.
А пух летит, и радио поёт,
и в барах на последнее копьё
гуляет центр и жмотятся окраины.

У сумрака повадки кошака,
он когти запускает между рёбрами —
и чувствует: знобит меня пока
от мутной браги — влаги сквозняка
и визга паровозного гудка,
которым облака до крови содраны.

Почудятся мне в этих сквозняках
Абрау, осень, сонная гостиница.
Вдохну, зажмурюсь — чайки на буйках...
Толкнет прохожий: ох, простите, ах.
И наважденье бабочкой в руках
забьётся, побледнеет и осыплется.

Приди за мной. Плутаю по дворам,
схожу с ума по всем возможным признакам.
Ещё немножко помнится вчера...
Но, если не отыщешь до утра,
я стану призраком.

Оборотень

Ночью звёзды воскреснут.
 Луна разольёт
 Амальгаму на листья
 Неспящего леса.
 И тогда из тревожных
 Теней выйдет тот,
 Кто сегодня отслужит
 Кровавую мессу.
 Он не волк. Эта шкура —
 Бессрочная дань
 Человеческим страхам,
 Родившим чудовищ.
 Здравствуй, путник!..
 И булькает кровью гортань.
 Видишь? Ангел на бреющем
 Мчится на помощь.
 Что же, братец,
 Не птица и не человек,
 Поболтаем? Доволен
 Ты жизнью, святоша?
 Что ты скорбно глядишь
 Из-под выпуклых век?
 Ты, как я, обречён
 На бессмертие тоже.
 Не найдётся ли пули
 Серебряной, эй?!
 С той поры, как утрачена
 Чёртова вера,
 Мы лишились заслуженных
 Жизнью смертей,
 И других пожирает
 Кипящая сера.

Им ни бога, ни чёрта.
 Ты вспомни: моргал
 На тебя он испуганно.
 Жил как и не жил.
 Если б кто-нибудь пулю
 Мне в сердце вогнал,
 Я бы сердцем разорванным
 Пулю ту нежил...
 Улетай. Через месяц
 Увидимся, брат.
 Будет снова кровавым закат.

Зов

Неясный зов далёких кораблей.
 Над ними чайки кружатся крикливо.
 Когда-нибудь, сойдя со стапелей,
 Я в неизвестность кану в час отлива.

Мне облака заменят паруса,
 И на бушприте выгнется Афина.
 А ну давай, неси меня, пассат,
 Туда, где ночь похожа на маслину.

Где старый клад, что был заговорён,
 Хотел добыть один красавец хомбре.
 Но без него отчалил галион.
 Грызут века обветренные рёбра.

Там память бьёт предательский озноб
 От нежной страсти розовых плюмерий.
 Там, отрывая прежней жизни тромб,
 Несётся кровь, мешаясь с пылью прерий.

Кипящий пунш пускает пузыри.
 Пророчит ворон, каркая до рвоты.
 Я принимаю все твои пари,
 Моя судьба. Налей ещё, чего там!..

Однажды я сорвусь со стапелей,
 Пойду вразнос, подкинув сплетням корма...
 А ты встречай меня на той земле,
 Где пахнет берег йодом после шторма.

Будешь грустить по мне?

Солнце блестит в волне,
 Тихо прибой поёт.
 Будешь скучать по мне,
 Имя шептать моё?

Будешь ли ты кружить
 Чайкою и рыдать,
 Будто со мною — жизнь,
 А без меня — беда?

И, не пройдёт и дня,
 Будешь во тьме ночной
 Всюду искать меня,
 В лица светить луной?

Будешь во весь опор
 Гнать моего коня,
 Чтобы с вершушек гор
 Вдруг увидеть меня?

Мне бы с тобой одним —
 И до исхода дней...
 Я улетаю, Крым.
 Будешь грустить по мне?

И выльется время в ладони ко мне

...И выльется время в ладони ко мне
Песком с тех дорог, где теперь буреломы,
Где контуры серых печальных камней
Похожи на профили давних знакомых.

В затерянном мире, где памяти боль
Стернёю легла под босыми ногами,
Ветра иссушили мне слёзы, а соль
Мы съели с друзьями и стали врагами, —

Там, в этом краю, пахнет дымом. Сквозняк
Гоняет по комнатам пух тополиный.
И старые фото наперекосяк
Висят и глядят с укоризною в спину.

Четыре зелёных свистка

Налей мне. Я, в общем, особо не пью,
но дело такое — тоска.
Ты знаешь, она прорастает, как выюн,
когда поезда, уползая, дают
четыре зелёных свистка.

И тот, кто отчалил, — счастливый дурак —
немедленно стелет постель.
А ты аутсайдер, и дело табак,
ты сборщик полночного лая собак,
хозяин пустынных земель.

Ты делаешь пару дурацких шагов...
Так нужно — и машешь вослед.
А там календарь полчаса как другой,
ребёнок над чаем качает ногой
и время открыть туалет.

И поезд как будто проходит насквозь,
оставив в груди пролом.
Такая досада, беспомощность, злость
на это ночное холодное врозь,
на тёмный пустующий дом...

А там — красота, огоньки среди полей
и тянет прохладой сырой...
Ты знаешь, давай-ка налей по второй.
И сразу по третьей налей.

Москва – Питер

Хороший мой, сегодня дождь и дождь.
Ходили с псом гулять в сырые дебри.
На вырубке трава хмельная сплошь,
качаются подвыпившие стебли.
Тепло, спокойно. Птицы голосят.
Заходятся вороны в перебранке.
А помнишь, в это время год назад
солёный холод в пасмурной Паланге,
тоска дорог и мызы по бокам,
по радио этнические ритмы...
У памяти чутьё острее бритвы,
она со мной играет в дурака,
подкидывая то, что не отбить...
Давай ещё вернёмся – в Ригу? в Пярну?
Ты любишь поболтать за стойкой барной
с блондинками о жизни и любви
на эсперанто мимики и жеста –
и декольте становится им тесно...
А мне смешно: позёр и ловелас,
чумная кровь... Я вся с тобой сбывалась
до самого нескромного желанья,
а прежде и цена была мне грош...
Хороший мой, у нас сегодня дождь.
Гуляли с псом. Промокли. До свиданья.

Содержание

Я подожду	3	Осень. Утро	30
Этот мир который год снится мне	4	И только ты	31
Золотая	5	Ах, как же удивительно!..	32
Я вернусь	6	Женщина под сорок	34
Ищи – не ищи	7	Берег	35
Жёлтые враки	8	Горсточка чёрных зёрен	36
Моя тишина	10	Река. Зима.	38
Амбразура	11	Сирена	39
Мой огонь	12	Что тебе написать?..	40
Хочешь узнать, что такое безумие?	13	На исходе зимы.	41
Если хочешь – уходи.	14	Обними. Я устала	42
И будет ночь	15	И дольше метелей	43
Изнанка	16	Вчерашний снег	44
Кошкин ангел	17	У меня и у тебя	46
Заплатки	18	Самое обычное	47
Гектор Берлиоз.	19	Здесь и там	48
Гамаюн	20	Вдох. Выдох	50
Лампочка	21	Вой	51
Мотылёк	22	Колоколенка	52
Моя память	23	Возле лампочки заката.	53
Табула раза	24	Фасады	54
Тот, о ком	25	Четыре бокала «вельвета».	55
Тот же вкус	26	Так просто	56
Пыль	27	След на сырой траве	57
Опечатка	28	Время рыжих вечеров	58
Нина Васильна	29	Женьке	59
		Отпусти! Не твоя.	60
		Ты спишь?...	61
		Я стану маленькой придурочной старушкой.	62
		Старый дом.	63
		Я дурацкая	64
		Пригуби!	66
		Нет музыки	67
		А на аллее нашей липы, липы...	68
		Отражения	69

Придумай мне имя	70
Клубок	71
Зимний морок	72
Фонарь	73
Небо на землю падает, падает.	74
Синий	75
Ягоды	76
За спиной	77
Эй, город!..	78
Неоновое время	79
Я ухожу одна и налегке	80
Украина.	81
Берег скелетов	82
А вы как хотите!	83
С рассветом.	84
Жилец двухэтажки	85
Мальчик.	86
Проживут без меня города	87
А у нас что-то дождь....	88
Гончие.	89
Клинопись	90
Немота	92
Мне снилось небо бирюзовое.	93
Был скверный день	94
Седые дни, встревоженные птицы	95
Этот северный город.	96
По дороге в Никуда	97
Вот видишь, ты опять о городах...	98
Оказалось – так просто	99
Меня пугают только сны	100
Дай руку	101
Будничное	102
Январь. Тагры	103
Проскопия	104
Избушка	105
...И падать в темноту.	106

Старушка из соседнего подъезда	108
Я привезу волшебные стихи	109
Старик	110
Купите красного коня!	111
Башенки, улочки...	112
Рваное небо.	113
Моя зима	114
Бестолочь	115
Как будто штиль	116
Хвала нерождённым	117
Коля	118
Хранители	119
После дождя	120
Пускай сожгут закатные костры	121
Манино чудо	122
Этот мир	124
Бросишь меня – я прорасту цветком	125
Дача	126
Апогей одиночества	127
Я боюсь тебя разлюбить.	128
Время. Диагноз.	129
Мы	130
Я останусь	131
Когда я уйду на пенсию	132
Мой гамак	134
Когда в лугах взрывается заря	135
Хмель	136
Июль, 2014	137
Молитва.	138
Осеннее. Насквозь	139
Капсихор	140
Тишина, которая звучит	141
Одуванчик	142
Траектория	143
Скрип	144
Капелька	145

Три ложки сахара. Лимон	146
Ты и я. Грани	147
Альбатросы иных времён	148
Пока не вызрела трава	149
Вероятность метаморфозы	150
Край	151
Синдром	152
Материк.	153
Не зови непогоду.	154
Белая сова	155
Последний день	156
Птица	157
Реликтовая память	158
Звёзды ближние и дальние	159
Дуга	160
Занавески	162
Что иней рук моих...	163
Возвращаться.	164
Стебли травы	165
Дышать до хрипоты	166
Серые нитки	167
Сосняки.	168
Делирика	169
Бусина.	170
Лес. Оттепель	171
Круговорот	172
Туман	173
Вьюн	174
Серёжка.	175
Оранжево	176
Алтари	177
Не люби.	178
Кресты	179
Чистый лист	180
Лоботомия	181
Утаи от меня нелюбовь	182

Няне.	183
Стол да крест	184
Любить этот город	185
Когда зацветает донник	186
Чёрный стебель	187
Дай прикоснуться	188
Махаон	189
Пять хрущёвских этажей	190
Осеннее. Россыпи	192
Шорох зимы	193
Рунопись	194
Звезда	195
Испарина	196
Жить – это просто	197
Мир	198
Война	199
Иней.	200
На линии огня.	201
Дикое зелье.	202
Любовь	203
Осень. набросок	204
Шрам. Шёпотом	205
Сезоны	206
Жёлтый листок	208
Если поздно	209
Рыжий сад	210
Коты в мешке.	211
Сатори	212
Мой дом	213
Падает снег	214
Время, которое без тебя. Яблочный спас.	215
В такие ночи снятся поезда	216
Не падали звёзды.	217
Олл ю нид	218
Праздник	219
Картинки. Морское	220

Пусть так	221	Ты мешаешь мне жить	260
Это весна, мой ангел	222	Рыжая девочка	261
Черновики	223	Ну прости ты меня	262
Дождевая вода	224	Тень от тени	263
Тоска по февралю	225	Цветок	264
Дом на окраине	226	Сумрак	265
Забутьё	227	Моё лето	266
Чужой пейзаж	228	Позади... Оглянуться?	267
Весна. Городское	230	Я могу представить	268
Чёрно-белое	232	Прощай-прости	270
Ни следа	233	Встреча из прошлого	271
Межсезонье	234	Устала	272
Морок	235	Вон та дорога, видишь?	273
Тихо, тихо, тс-с-с	236	Несётся в небе вороных табун	274
Двадцать восьмой	237	Пилигримы	275
Цветы	238	Остров	276
Дом, который построила я	239	Бутоны	277
Серёге	240	Письмо из Луганска. 3 августа, 2014	278
Амбулаторно	241	Сквозняки	279
Мой поезд	242	Оборотень	280
Обочина	243	Зов	282
Напомни мне, какой сегодня год	244	Будешь грустить по мне?	283
Просека	246	И выльется время в ладони ко мне	284
Река. Лето	247	Четыре зелёных свистка	285
Горечь дождей на губах	248	Москва – Питер	286
Чудесно!	249		
Когда уйдёшь	250		
Чёрный сок	251		
Ах, какую была наша ночь!	252		
Вселенная, я твой случайный гость	253		
Просто девочка-ночь	254		
Я ангел	255		
Моё время	256		
Охотник на ведьм	257		
Первые дожди	258		
Шёпот	259		

Литературно-художественное издание

Серия: Лауреаты национальной литературной премии
«Поэт года»

Орныанская Полина Валерьевна

Придумай мне имя

Ответственный редактор И. Иванова

Корректурa: Т. Валавина
Компьютерная верстка: Р. Сурин
Дизайн обложки: А. Москвичева

Подписано в печать 00.00.2017
Формат 60х90/16
Бумага офсетная

ООО «Издательство РСП»
127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1
Тел.: +7 (495) 215-14-25
www.izdat.ru